

Найти себя

Лучшая
фантастика
2023

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО,**

ДИВОВ, ГОЛОВАЧЕВ, ВАСИЛЬЕВ, ЛУКИН,
ГРОМОВ, ЛОГИНОВ, ОРЕХОВ, ТОЧИНОВ,
ВРОЧЕК, БАЙКАЛОВ, ВОЛКОВ, ХАРИТОНОВА,
КАЛИНИЧЕНКО

Василий Васильевич Головачев
Сергей Юрьевич Волков
Владимир Николаевич Васильев
Николай Валерьевич Калинин
Шимун Врочек
Святослав Владимирович Логинов
Евгений Юрьевич Лукин
Сергей Лукьяненко
Василий Орехов
Ольга Владимировна Харитонов
Виктор Павлович Точинов
Олег Игоревич Дивов
Александр Николаевич Громов
Дмитрий Николаевич Байкалов
Андрей Синицын
Найти себя. Лучшая
фантастика – 2023
Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Найти себя в нашем беспокойном мире очень нелегко. Но ничуть не легче сделать это и в альтернативной вселенной, и в глубоком космосе, и в иную эпоху.

И речь не всегда идет о профессии или призвании. Подчас «найти себя» означает перечеркнуть стереотипы и субъективные представления, переосмыслить ценности, перебороть страх, пойти наперекор чужому мнению, обнаружить внутри себя то, что делает человека человеком.

Новый ежегодник фантастики издательства АСТ дает возможность взглянуть на эту тему с точки зрения современных российских фантастов, как мэтров, так и молодых мастеров, и, надеемся, поможет читателю хоть на малую толику приблизиться к обретению себя.

Содержание

Олег Дивов	6
Виктор Точинов	17
Александр Громов	63
Сергей Волков	97
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Найти себя. Лучшая фантастика 2023

Составитель Андрей Сеницын

© Сеницын А. Т., составление, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Олег Дивов

Найти себя

Двое стояли посреди бескрайней плоской зеленой равнины, накрытой бескрайним плоским голубым небом.

– Райские кущи, мать твою, – сказал черт. – Именно так я их себе и представлял.

Ангел виновато пожал плечами.

Черт опустился на колено и осторожно потрогал короткую жесткую травку.

– Похоже на пластмассу. Хорошая имитация, дорогая... И давно здесь так?

Ангел снова пожал плечами, крылья легонько шевельнулись за спиной.

– Ты же знаешь, у меня с чувством времени не очень...

– Когда тут все кончилось – что было на Земле?

– Великая битва! Народы восстали против народов...

– Ой-ой-ой, хватит... – Черт умоляюще поднес ладони к лицу, будто собираясь в них спрятаться. – О чем ни спроси, каждый раз у тебя битва. И ничего ты о ней толком не помнишь.

Ангел повернулся к черту, шагнул вплотную и заглянул в глаза.

– Меня не учили считать, сколько там воинов и колесниц

с каждой стороны, – сказал он тихонько. – Я создан, чтобы видеть другое. Хочешь, покажу?

– Ладно, ладно... – Черт сунул в зубы сигарету, щелкнул зажигалкой, потом еще раз. – Не горит. Воздуха тут нет, что ли... Тьфу, и правда нету. То-то, думаю, чего так странно, а это я – не дышу... Эй, а где солнце? Здесь было раньше солнце?

– Тут все было, – произнес ангел сумрачно.

– Значит, когда тебя вызывали, ты прибывал на это самое место, и?..

– И мой Создатель говорил со мной.

– ...А вокруг благоухали цветы, росли яблоки-груши, порхали разноцветные пташки и бегали голые бабы?

Ангел немного помялся, потом ответил:

– Ну, в общем, да. Только без баб.

– А остальные?

– Что остальные?

– Ну, другие ангелы, – пояснил черт. – Вас же должна быть целая армия. Где они все?

– Понятия не имею.

– И здесь ты их не видел? Тут же, по идее, всякие херувимы-серафимы прямо роились. Слушай, а непосредственное твоё начальство?.. Ну, которые на Небесах за всю мясорубку отвечают – один с живопырой, другой с трубой: их ты должен знать!

– Никого не было, – ответил ангел твердо. – Был только я.

– Между прочим, а зовут тебя как?

– Что значит – зовут?

– Ну, имя, имя у тебя есть? Гавриил, Михаил, Страхуил?!

– А у тебя... разве... есть имя? – произнес ангел медленно и с нажимом.

– Вася!

– Что – вася?

– Зовут меня! Вася! – рявкнул черт. – Василий!

Ангел глядел ему прямо в глаза, и черт под этим взглядом постепенно сутулился.

– Вот то-то, – сказал ангел. – И не выпендривайся.

Черт отвернулся, выплюнул сигарету под ноги, спрятал зажигалку в карман, заложил руки за спину и начал в раздумье качаться с пятки на носок. Ангел терпеливо ждал.

– Мне для работы надо было, – пробормотал черт. – Назваться как-то.

– Понимаю.

– Ты же видишь, я вылитый человек. Если б я являлся людям с рогами и кочергой, они бы сразу догадались: белая горячка... Поэтому меня создали таким. Если вообще создали. Ничего не знаю. Кто я, откуда, куда я иду...

– Да ты не оправдывайся... Вася.

Они были примерно одного роста и комплекции, только ангел – светлоглазый блондин с роскошной выющейся гривой, а у черта глаза карие, волосы темные и стрижка ежиком. Ангел носил белоснежный хитон с золотой вышивкой по по-

долу и рукавам да изящные сандалии на босу ногу. И крылья за спиной почти до пят. Черт был одет в длинный кожаный плащ нараспашку с поднятым воротником, черный же костюм и остроносые ботинки. Если у черта и имелся хвост, то скрывался под плащом. А может, он в брючину его прятал.

Двое посреди такой пустоты, что не покуришь даже. Спасибо, не темно, небо светится.

– Я тоже всегда был один-одинешенек, – сказал наконец черт. – Ой, плохо дело... Ладно, давай руку, я тебе сейчас кое-что любопытное покажу.

* * *

Двое стояли посреди бескрайней серой равнины под бескрайним серым небом.

Ангел поглядел под ноги и пару раз шаркнул сандалией.

– Асфальт, – объяснил черт. – Прекрасный асфальт, мечта автогонщика. Только гонять не хочется. Некуда здесь ехать, во все стороны пусто.

Он достал зажигалку, щелкнул: безрезультатно.

– Как-то я раньше не сообразил. Извини, покатушки отменяются. Разве что рекордные заезды на ракетной тяге... Но какой смысл... Смысла нет.

– А раньше здесь... – Ангел величественно обвел рукой вокруг себя.

– Не надо, – попросил черт. – Я так же, как и ты, все очень

смутно помню. Даже не уверен, что это мои воспоминания. Было жарко, шумно, много огня... И тоже очень много пафоса.

– Ад, – сказал ангел.

– Да, – сказал черт.

– А ведь так – лучше, – сказал ангел. – Настоящий ад и должен быть таким. Бесконечно унылым. Без пафоса. Если тебя варят в кипящей смоле, а вокруг скачут бесы, это подчеркивает твою значимость. А вот не надо. Лишнее это.

– Бесы суетились вовсю. – Черт скривился и фыркнул. – Подчеркивали мою значимость. Понимаешь, да, о чем я?

Ангел кивнул. Сунул руку под хитон и извлек дешевую пластмассовую дамскую пудреницу. Щелкнул крышкой, показал черту зеркало.

– Ну? – спросил тот недоуменно.

– Отражаешься. Значит, существуешь. Теперь гляди. – Ангел направил зеркало в сторону. – Пусто?

– Пусто. А ты соображаешь, брат.

– Не брат я тебе, исчадие адово! – обозлился вдруг ангел.

– Просто фигура речи. Собрат по несчастью... – Черт крепко топнул ногой, раздался глухой звук. – Очень естественно для иллюзии. Слишком естественно. Что я, асфальта не знаю? Я на нем, извините, деньги делаю...

– Тем не менее здесь он существует только в твоём воображении.

– В рай пойдем проверять?

– Зачем? – Ангел защелкнул пудреницу и спрятал обратно под хитон. – И так все ясно. Значит, ты по зову прибывал сюда...

– ...и стоял на этом месте, и мой Создатель говорил со мной.

Ангел закрыл глаза и с усилием провел рукой по лицу.

– Ну-ну, – сказал черт. – Раньше времени не раскисай.

– Я ведь даже сдохнуть не могу... – произнес ангел глухо, не отнимая ладони от глаз.

– Я тоже, и что с того? К счастью, мы не собаки. И не самураи. Мы не обязаны погибать, если хозяин нас покинул. Наоборот, теперь начинается самое интересное. Мы наконец-то можем задуматься: а на хрена все это было?

Ангел недоверчиво выглянул из-под ладони.

– Мы что раньше делали? – спросил черт. – Я стравливал всяких придурков, а ты летал над полем битвы и впитывал в себя страдания...

– Иногда Создатель повелевал мне явиться полководцу и вдохновить его на бой.

– Тот после этого побеждал? – быстро спросил черт.

– Нет, не обязательно...

– Слушай, а ты в Хиросиме был?

Ангел поглядел на черта укоризненно.

– Понимаю, понимаю... Но ты припомни: это была последняя большая война, и под конец ее – реально долбануло. Хорошо долбануло, над городом, никогда раньше одним

махом не убивало столько народу. А через пару дней жахнуло в городе рядом, с похожим результатом, ты должен был запомнить! Мой шедевр, мать-перемать... Один-единственный разговор по душам – и такой эффект. Думал, лопну от счастья.

– Это ведь было совсем недавно? Два гигантских всплеска смертного ужаса подряд... Да, помню. Ты прав, раньше такого не случалось. Я тогда чуть с ума не сошел, пропуская все через себя...

– Хорошо живешь, – сказал черт. – Семьдесят семь лет ему недавно... Тебя после этих двух всплесков перестали вызывать, точно?

Ангел подумал и кивнул.

– И меня перестали, – сказал черт. – А ведь мы с тобой оба – ретрансляторы, говоря по-людски. Мы не только организуем битвы, мы передаем хозяину впечатления. И думаю, вторая наша функция – главная. Дальше рассказывать?

Ангел потерянно огляделся, будто надеялся что-то увидеть, только кругом царило еще большее запустение, чем в раю.

– Ты ошибся, – сказал ангел. – Войны-то не кончились. Они, конечно, поменьше, но...

– ...Но хозяин нас больше не тревожил. Хотя уже лет двадцать спустя мы могли взорвать для него полмира. Спорим, он, сука такая, после Хиросимы и Нагасаки подох от обжорства?

– Чего-чего?!

– Тот, кто все это выдумал, – сказал черт, – он питался эмоциями. Человеческими эмоциями. Понимаешь? А самые яркие, взрывные чувства у людей – смертный ужас, боль за близких и радость победы над врагом. Никакая любовная эйфория, никакие восторги от футбола и рядом не стояли. А вот ребенка у тебя грохнут или сам кому-то глотку перегрызешь – это мощно. Поэтому нужны были войны: чтобы больше, чтобы сильнее, чтобы разом. Бац! Бац! Но даже самое массовое убийство было растянуто по времени на дни, на часы... И тут люди придумали атомные хлопушки, которые убивают помногу сразу. Вот с тех двух бабахов, от которых мы сами едва выжили, наш хозяин обожрался – и сдох.

– Это Дьявол сдох!!! – выкрикнул ангел.

– Заскочим еще на минутку в рай? – предложил черт. – Постоим, осмотримся... Поглядим, на что похоже. А?

В аду повисло тягостное молчание.

– В морду тебе дать, что ли... – задумался ангел.

– А я тебе. Что это докажет? Что мы – из одного теста?

Ангел совсем по-человечески закусил губу.

– Могу выдвинуть еще версию, но она слабее, – предложил черт. – Допустим, ты Бог. А я Дьявол. Просто мы это... Размагнитились от той вспышки. Авось еще придем в себя и начнем по новой колбасить человечков.

Ангел помотал головой.

– Во-первых, хватит с меня страданий людских, – сказал

он. – А во-вторых, ну какой я Бог? Бог – созидатель. А я за всю жизнь ничего не создал.

– А я до фига построил, – гордо заявил черт. – Я в строительном бизнесе, считай, с Древнего Египта. Очень удобно для контакта с властями и заодно тешит самолюбие. Потом на асфальт переключился, когда автобаны пошли. Дороги – это такое дело, брат... Ладно, давай руку, пойдем ко мне, посидим, поговорим.

– Куда к тебе?

– Домой. А то я на нервной почве жрать хочу, сил нет. И вообще скоро дети из школы придут...

Ангел тоскливо поглядел на черта.

– Надо жить, – сказал черт просто. – Понимаешь, когда все развалилось и полетело в тартарары, надо просто жить дальше. Люди это хорошо знают, и я научился у них. Было время научиться. Только не завидуй. Мне совсем не просто среди людей, я ведь, на беду свою, бессмертен.

– Мелко как-то, – сказал ангел неуверенно. – Просто жить?

– Чего?! – черт заметно обиделся. – А что, я должен открытым текстом признаться: мол, пытаюсь по мере сил загладить вину перед страной, которой больше всех нагадил?! А я пытаюсь, да! Думаешь, легко? Я вообще-то не обучен вдохновлять коррупционеров на трудовые подвиги! Тоже одни гадости умею! Хорошо хоть, они меня за своего держат, чуют родственную натуру... Вот ты бы и помог! Явился бы

кое-кому – и в морду от имени и по поручению Господа! И по шее! А? Ишь ты, мелко ему...

– Ладно, ладно, успокойся, – решил ангел. – Попробуем. Я ведь тоже все это время... Думал. Размышлял. Я, конечно, не такой быстрый умом, как ты, но многое успел сопоставить и сделать выводы. В конце концов, что я теряю? У меня и так ничего не осталось. Ты вроде соблазнитель – давай соблазняй. Как я могу поучаствовать в твоём... бизнесе?

– А ты справишься? – притворно удивился черт. – Лентяй, да еще и тормоз, чувство времени на нуле...

– Зато у меня большой опыт работы с людьми! – заявил ангел.

– Эх... Купил с потрохами! – Черт протянул руку. – Разрешите представиться, Чернов Василий Васильевич.

– Серафим, – отрекомендовался ангел. – Серафим Боголюбский.

Черт вытаращил глаза.

– Твою мать... Далеко пойдешь, Фима.

– Мне бы только обжиться для начала, – сказал ангел скромно, мертвой хваткой сжимая ладонь черта. – Пообвыкнуть малость, заново найти себя. Ты поможешь, Вася? А я тебе помогу. Только без мордобоя, я ведь ангел. Я просто явлюсь кому надо – уже достаточно. А особо тупым или упертым могу на ухо нашептать, что делать, будто это их собственные мысли. Помнится, один монгол уж как не хотел идти на запад...

– Да-а... – протянул черт. – Значит, и ты им задолжал, брат Фима. Ох, капитально задолжал.

– Ничего, поправим! – воскликнул ангел. – Теперь они у меня завоюют мир!

Черт крепко зажмурился, думая, не удрать ли, пока не началось.

– А как же страдания людские?

– Забыл! – простодушно сознался ангел. – Всю жизнь на войне, привык. Вот сам видишь, как ты мне нужен!.. Ладно, тогда они будут мир спасать!

– От чего?.. – вяло пробормотал черт.

– От всего! – уверенно заявил ангел.

Черт уныло кивнул и потащил ангела за собой.

Обживаться и заново находить себя.

* * *

Через неделю, «малость пообвыкнув», ангел по собственной инициативе залез под кровать к одному американскому дедушке и начал ему что-то нашептывать.

Виктор Точинов

Эсминец «Уничтожитель»

1. Из жизни жаворонков

Совещание началось в непредставимую по меркам Маши Гордиенко рань. В девять утра. Скажите, где такое видано? Только в «Балтнефтехиме». Генеральный заядлый жаворонок, остальным приходится подстраиваться.

Обсуждение первых двух вопросов Маша пропустила мимо ушей. Проблемы нефтяного фьючерсного рынка были далеки от ее специализации. Оптимизация расходов на непрофильные активы тоже мало интересовала.

Не вникая в суть обсуждаемого, Маша внимательно наблюдала за участниками совещания. Ее интересовало, кто с чьими предложениями соглашается, а чьи, напротив, воспринимает в штыки. Кто как обращается к тому или иному коллеге, на «ты» или официально, по имени-отчеству. Она прекрасно понимала, что только-только ступила на Олимп, на самое его подножие, и необходимо как можно быстрее разобраться, как тут все устроено. Не в плане делопроизводства, разумеется, – отношений между небожителями.

Почти всех присутствовавших здесь она знала. Маша ис-

поведовала принцип: начальство надо знать в лицо и по фамилиям, и не только свое непосредственное – вообще всех, кто стоит выше тебя на служебной лестнице. В обратную сторону этот принцип, разумеется, не работал, еще две недели назад она была одной из многих, лицом в массовке, не более того. Но генеральный начал совещание с того, что представил ее собравшимся, попросил любить и жаловать.

Не только ее, но и нового начальника службы безопасности Ерофеева, назначенного тем же кадровым приказом две недели назад. На вид Ерофееву было около полтинника, и Маша время от времени на него поглядывала – как станет держаться, тоже ведь новичок на Олимпе... Но мало что высмотрела. Лицо у вновь назначенного шефа беспеки было примечательное – малоподвижное, не откликающееся на эмоции владельца, если таковые вообще имели место. Глиняная маска какая-то, а не лицо. Маше показалось, что где-то она уже видела этого человека, но где именно, вспомнить не смогла.

* * *

Наконец разговор о скучном завершился и настал звездный час г-жи Гордиенко. Маша поднялась – на вид спокойная, уверенная в себе (но без раздражающих людей ноток самоуверенности). Она и в самом деле была спокойна. Хоть расчеты проводили и доклад писали «очкарики», их началь-

ница владела темой и была готова к любым вопросам.

Речь в докладе шла о пока небольшом, но перспективном и бурно растущем секторе заправочного бизнеса – об энергозаправках.

Разумеется, БНХ (равно как и другие мастодонты и бронтозавры отрасли) не остался в стороне от новых веяний. Число электромобилей на дорогах медленно, но неуклонно росло, и все они объезжали стороной заправки традиционные, отпускающие газ, бензин и дизельное топливо. И деньги их владельцев – а ездят на электромобилях люди в основном не бедные – проплывали мимо «Балтнефтехима» и других крупных игроков, поделивших рынок. Непорядок, но заряжать «Теслы» и их менее престижные аналоги там же, где заправляют топливо в машины традиционные, пока не представлялось возможным по техническим причинам.

От бытовой сети 220 В электромобиль полностью заряжается около тридцати часов. Трехфазная сеть на 380 В позволяет сократить это время втрое, но все равно ни один автовладелец не согласится столько провести на заправке.

Западные акулы бизнеса нашли выход: разработаны и внедрены переходники, позволяющие заряжать аккумуляторы электромобилей от источников постоянного тока, и самым удачным среди них оказался CCS, он же суперчарджер, позволяющий полностью зарядить «Теслу» за час, даже менее.

Это уже реальный срок, особенно если на заправке есть

где покушать и заняться шопингом. Проблема в другом – и суперчарджеры, и зарядные станции постоянного тока надлежащей мощности слишком дорогие. В Европе и США, где электромобилей на порядок больше, они окупались и приносили прибыль. В России срок окупаемости быстрой энергозаправки получался долгим – дольше, чем срок службы необходимого оборудования. К тому же как раз началась история с санкциями, сделав подобные проекты еще более затратными.

В итоге интересная тема оказалась заморожена.

И тут появился «ЭКО-Спас-тревел». Буквально из ниоткуда появился, вынырнул из неизвестности: Сергей Спасов, владелец фирмы, никогда на топливном рынке не светился. Мирно занимался продажей электросамокатов, электроскутеров и прочего двухколесного электро-, владел сетью магазинчиков и сервисных центров.

Ставку «ЭКО-Спас-тревел» сделал на зарядку не «Тесл», а всей вот этой мелочи, не привлекавшей внимания серьезных игроков, – аккумуляторы там мизерной емкости в сравнении с теми, что стоят в электромобилях, можно быстро заряжать их без закупки дорогостоящего импортного оборудования.

Серьезные люди из больших корпораций дали промашку, не предугадали лавинообразный рост популярности двухколесного электротранспорта у молодежи, и не только у молодежи. Бесшумные и экологичные малютки неудержимо за-

воевывали улицы городов. И не одни лишь улицы, тротуары тоже, вызывая праведный гнев пешеходов.

Одна беда – модная техника оставалась чисто городским транспортом, ни о каких путешествиях говорить не приходилось, учитывая смехотворно низкий запас хода.

Спасов и его фирма решили эту проблему. На создание сети стационарных энергозаправок «ЭКО-Спас-тревел» даже не замахивался, такие вложения не под силу средней руки бизнесмену. Его фишкой стали мобильные зарядные станции: небольшой фургончик, в кузове мини-кафе на четыре посадочных места, в прицепе – заряжающее оборудование.

В результате теперь появилась возможность съездить из Санкт-Петербурга в Москву на электроскутере с тридцатикилометровым запасом хода, не отыскивая при этом добрых людей, которые позволят подключиться к их розетке на восемь или десять часов. И очень многие молодые люди эту возможность использовали – катили в столицу, украсив грудь бело-зеленым значком с надписью:

Я езжу
ЭКОлогично
и
ЭКОномно!

Спасов на достигнутом не успокоился, развивал бизнес, сейчас завершалось оснащение трассы, ведущей в сторону Крыма и Сочи, и никто не сомневался, что популярность нового маршрута станет еще выше.

Негаданно выстреливший проект привлек внимание боссов «Балтнефтехима». Спасову сделали предложение, от которого, казалось, нельзя было отказаться.

Он тем не менее отказался. И от второго, улучшенного предложения отказался – совсем недавно, буквально пару дней назад. Не стал продавать бизнес и менять жизнь вольной птицы на должность в руководстве БНХ.

Однако если «Балтнефтехим» на что-то положил глаз, то он это что-то так или иначе получит.

Вопрос стоял лишь один: какой путь решения проблемы выгоднее. Додавить-таки Спасова, вновь улучшив предложение либо отыскав иные способы воздействия? Или же самим раскрутить аналогичный бизнес с нуля, а «ЭКО-Спас-тревел» прихлопнуть, задействовав административный ресурс?

Отвечал на этот вопрос доклад, подготовленный «очкариками» Маши Гордиенко.

Прямых выводов доклад не содержал, лишь информацию для принятия решения. Но из приводимых цифр непреложно следовало, что никакое иное решение, кроме поглощения «ЭКО-Спас-тревела», оптимальным не станет.

Маша отметила, что Ерофеев, новый зам по безопасности, во время ее доклада оживился. Проблемы фьючерсов его, похоже, не волновали – сидел с каменной мордой лица, эмоции как у статуи. Сейчас окаменевшая физиономия пришла в движение. Казалось, что Ерофеев старательно сдерживает ехидную ухмылку, но та прорывается...

«И где же я его видела?» – подумала Маша за секунду до того, как началось страшное.

* * *

Ее гладко звучавшая речь сбилась. Очередное слово Маша произнесла после долгой паузы, затем вообще замолчала. Все, о чем она говорила, мгновенно и без остатка испарилось из головы, вытесненное безотчетным и нарастающим чувством страха.

Маша не понимала, в чем дело, что или кто конкретно ей грозит, но была уверена, что сейчас произойдет нечто кошмарное.

Никто не обратил внимания, что докладчица замолчала. С остальными, судя по лицам, происходило нечто схожее. Вице по кадрам дышал широко распахнутым ртом, потом рванул воротник рубашки, с мясом оборвав пуговицу. Генеральный озирался с крайне тревожным, даже испуганным видом. Ухмылка исчезла с лица Ерофеева, его рука метнулась под полу пиджака, но вернулась пустой, войти на совещания с оружием не полагалось. Бренд-директор Зинаида Карловна вскочила и, не спрашивая разрешения, молча ринулась к двери, билась о нее, как птица о стенку клетки, – забыв, что дверь открывается внутрь.

Смерть, невидимая, неслышимая и неосязаемая, напознала со всех сторон, и Маша не выдержала. Издавала визг, гра-

ничивший с ультразвуком, и полезла прятаться под стол.

Увидела там частокол ног, упакованных в брюки и обувь от самых изысканных брендов, но ненадолго, участники совещания тоже бросились кто куда.

Раздавался топот ног, крики и стоны, звучащие вразнобой, перекрывающие друг друга. Прозвучал чей-то задущенный хрип. Что-то рухнуло с грохотом и стеклянным звоном.

Ей было все равно. Она нашла спасение под столом, остальные пусть спасаются, как сумеют.

А затем все закончилось так же неожиданно, как и началось. Все стихло, и Маша не понимала ничего. Зачем она забилась под стол, потеряв туфлю и измяв деловой костюм от Бриони? Она вылезала из-под стола медленно, чувствуя, как лицо заливают пунцовая краска стыда.

Тела лежали повсюду – неподвижные, застывшие в разных позах. У двери, теперь распахнутой, лежали особенно густо. Лишь генеральный сидел на прежнем своем месте во главе стола. Откинулся на спинку кресла, голова склонилась к плечу, из угла рта свисала липкая нитка слюны.

2. Из жизни генералов

Генерал-лейтенант Рютин перебирал свидетельства о смерти.

– Инфаркт... инсульт... разрыв аневризмы аорты... – себе под нос произносил Рютин, – снова инфаркт... синдром

внезапной смерти... Это что такое? Я слышал о внезапной детской смерти.

– У взрослых тоже бывает, товарищ генерал-лейтенант, – пояснил Караулов. – Ничто не предвещает, по всем обследованиям здоров человек – и вдруг взял да умер. Сердце, например, остановилось.

– Отставить генерала при обращении. При таких делах у нас с тобой генеральские звезды с погон легко и просто улететь могут. Синдром, мать его, внезапного разжалования.

– Есть отставить генерала, – сказал Караулов, а об остальном промолчал, не стал комментировать незавидные карьерные перспективы. Когда дело на контроле у министра и в Администрации президента, оргвыводы при неудаче расследования могут быть суровыми.

Рютин перебирал бумажки, не замечая, что пошел по второму кругу. Словно надеялся, что случится чудо и отыщется нормальная и понятная причина смерти. Множественные колотые раны, например, несовместимые с дальнейшей жизнью. Или огнестрельное ранение жизненно важного органа. Или хотя бы открытая черепно-мозговая травма, нанесенная твердым тупым оружием.

Разумеется, ничего обнадеживающего генерал-лейтенант не обнаружил. Почти вся верхушка «Балтнефтехима» с генеральным директором во главе скончалась в одночасье от естественных причин. Кто-то умер прямо в зале для совещаний, кто-то в приемной, а четверо последних – в прибывших

по вызову реанимобилях. До стационара не доехал никто.

– Здесь все? – спросил Рютин. – Все вскрытия закончили?

– Все. В авральном режиме работали.

– А толку-то... Следы излучений? Яды?

– Все чисто. Никаких следов.

Помолчали. Оба понимали, что не бывает таких совпадений, что должна быть какая-то причина, вызвавшая резкое обострение хронических болезней и фатальное проявление новых. И не могли придумать эту причину, даже самую умозрительную. Врачи тоже не могли. Каждая взятая по отдельности смерть естественная – вот и все, что сказали эскулапы с гиппократами.

– Уцелевших отработали? – спросил генерал-лейтенант. – Эта, как ее... Гончаренко... Связи с Украиной пробивали?

– Гордиенко, – мягко поправил Караулов. – Нет связей, ни родственных, ни других. Четвертое поколение семьи в России живет, только фамилия украинская осталась.

– А второй?

– С ним все любопытнее. Он стал Ерофеевым месяц назад. Официально поменял фамилию после освобождения. Взгляните, здесь выжимка. А так-то в уголовном деле сто семнадцать томов.

Генерал-лейтенант выжимку просматривать не стал, ему достаточно было взглянуть на прежнюю фамилию фигуранта.

– А-а, вот это кто... И впрямь любопытно. Только мнится

мне, что здесь ложный след. Но все равно раскопайте все, что он делал после освобождения. Вот прямо по дням и по минутам. На три метра вглубь ройте.

– Есть на три метра, – понуро сказал генерал-майор, ему тоже казалось, что персонаж из криминальных хроник девяностых при всей своей одиозности никак не может оказаться виновником утреннего происшествия, не его стиль. Вот взорвать кого-нибудь вместе с автомобилем – с таким всегда обращайтесь.

– С какой формулировкой заводить дело? – спросил Караулов.

– Пока не заводите, – поразмыслив, сказал генерал-лейтенант. – Продолжаем доследственную проверку.

3. Накануне. Встреча старых друзей

Закуски на столе стояли незамысловатые, сельские. Все выращено своими руками, как похвалился хозяин, и не только картофель и овощи, свинина тоже своя, с магазинными копченостями ее вкус нечего сравнивать.

Разумеется, едва уселись – водка тут же забулькала в горлышке запотевшей бутылки, наполняя две стопки.

– Ну, за встречу! – провозгласил Круглов и выпил. – Сколько же мы не виделись, Серый?

– Давненько, – кивнул Сергей. – Ты прав, Круглый, чаще надо встречаться.

Он лукавил. Ему не хотелось чаще встречаться. Он вообще обошелся бы без таких посиделок. Однако встречи регулярно происходили, причем по инициативе Сергея. Он преднамеренно не давал угаснуть знакомству. Предчувствовал, что наступит день, когда помочь ему сможет только Круглов.

Предчувствие не обмануло. День такой наступил. Не сегодня, неделю назад, когда к Сергею Спасову подошли в подземном паркинге три персонажа, словно перенесенные машиной времени из девяностых. А поскольку машина времени пока не изобретена, более чем вероятно, что в ее роли выступила зона, где хронопутешественники отбыли длительные сроки. Мордовороты очень доходчиво (ребра до сих пор побаливали) растолковали три жизненных принципа:

- если не умеешь быстро выхватывать травмат, то лучше его не носить;
- если тебе делают щедрое предложение, то надо не выкаблучиваться, а с благодарностью соглашаться;
- если дочь живет вдали от родителей (Даша училась в Москве, в МГУ), то с ней могут произойти самые разные неприятности.

История, четверть века назад заурядная, в наши дни казалась дикостью.

Сергей заподозрил, что после этой демонстрации последует еще одно предложение. И придется согласиться, потому что ставки растут, при очередном отказе может появиться киллер, и следующий тур переговоров пройдет уже с на-

следниками Спасова С.В.

Угадал. Долго ждать звонка из «Балтнефтехима» не пришлось.

Соглашаться не хотелось. Сергей взял небольшой тайм-аут якобы для размышлений, а сам позвонил Круглову, договорился о встрече. И лишь после этого отказался от второго предложения БНХ.

* * *

– А ты чего не выпил? – удивленно спросил Круглов, наливая себе вторую.

В стопке Сергея содержимое почти не ubyло, он едва пригубил.

– Годы, Круглый, годы... Здоровье уже не то, таблетки кушаю, с алкоголем плохо сочетающиеся. Пару стопок растяну на вечер, а сверх того ни-ни. Не хочу проверять, как к тебе сюда скорая добирается, за сколько часов.

– Сочувствую... Ну, давай хоть чокнемся. За нас, за нашу давнюю дружбу! – Круглов проглотил содержимое стопки, захрустел огурцом.

...В детстве Серый и Круглый были, что называется, не разлей вода, хотя один жил в городе, другой в деревне, и вместе приятели проводили лишь пару летних месяцев.

Два месяца были плотно наполнены приключениями, словно пиратский сундук дублонами. Рыбалка и походы за

грибами, то вдвоем, то в большой компании. Гонки на велосипедах и всевозможные крутые трюки, исполняемые с их помощью (слово «велотриал» тогда не было в ходу). Иные забавы могли завершиться печально – безбашенные пиротехнические опыты или игры в заброшенных руинах графского дворца, – но судьба оказалась благосклонна, серьезные неприятности летний отдых не омрачали.

Особняком среди тех развлечений стояла любимая, пожалуй, игра детства – войнушка. С нее-то все и началось...

* * *

После третьей стопки (для Сергея после половины первой) закурили и начали неторопливый разговор «за жизнь».

Поговорили о футболе, но недолго.

Поговорили о женщинах – Круглый за то время, что они не виделись, развелся в третий раз, планировал новый брак, но пока жил без хозяйки.

Поговорили о работе, и говорил в основном гость. В сильно смягченном виде рассказал о своем конфликте с БНХ. Дескать, топливный гигант положил глаз на бизнес, начатый с нуля и заботливо выращенный. Говорил и внимательно отслеживал реакцию Круглова.

– Продавай, не раздумывай, – сказал тот. – Они ребята правильные. У них не только цены божеские на заправках. Они, знаешь ли, патриоты. А сам новенькое что-то сообра-

зишь, ты же у нас выдумщик... И снова продашь.

Патриотизм (диванный, по мнению Сергея) был коньком Круглова. Любил порассуждать о возрождении державы. Патриотизм же БНХ состоял лишь в том, что на каждой их заправке появился плакатик: «Если твоя фамилия Байден – проезжай мимо». Дешево и креативно. Патриотам бальзам на сердце и лишний стимул заправиться именно здесь.

«План А не сработает, – понял Сергей, – нечего и продолжать. Переходим к плану Б. Извини, Круглый, но ты сам выбрал себе судьбу».

* * *

Войнушка была игрой командной и проходила по достаточно сложным правилам. Например, все игроки прекрасно знали, где находятся «штабы». Но атаковать их могли лишь на следующий день после захвата первого пленного – войнушка игра многодневная, порой даже недели не хватало, чтобы выявить победителя. Силы «партизан» и «фашистов» были равны – по шесть-семь мальчишек и по одной девчонке-санитарке. Так что победа становилась делом во многом случайным и непредсказуемым.

...В то лето «партизаны» лишились своего «штаба» – заброшенного сарайчика, приткнувшегося к краю совхозного поля. Бригада рабочих превратила «штаб» в грудку досок и бревен, проданных затем кому-то на дрова. Заодно канула

спрятанная в тайнике при «штабе» партизанская рация, а она была важным атрибутом в игре: если средство связи захватывали «фашисты», боевые возможности партизанского отряда резко падали.

И «штаб», и рацию необходимо восстановить – осознание этого факта привело Серого и Круглого на небольшой и никак не используемый чердачок дома Спасовых.

Дверца чердачка была заперта на навесной замок, ключ от которого, по словам бабушки, затерялся. Если закуток не слишком захламлен, то чем не место для «штаба»?

Разыскивать или подбирать ключ они не стали. Круглый (из них двоих он был более рукастым) притащил инструменты, помудрил с пробоем – и тот стал свободно вытаскиваться из двери. А если вставить на место, то дверца казалась надежно запертой.

Внутри хватало места для штабных дел. Вещей оказалось немного. Два больших ящика с откидными крышками и маленький сундук, окованный по углам металлом и опять-таки с навесным замком.

Разумеется, приятели полюбопытствовали, что находится в ящиках. В них лежали вещи покойного деда, которого Сергей никогда не видел.

4. Две карты

Застольный разговор предсказуемо свернул на политику,

и теперь говорил в основном Круглов, не забывая наполнять и опустошать свою стопку. Сергей лишь делал вид, что тоже помаленьку пьет, а сам наблюдал, как у приятеля сменяются стадии опьянения. То, что прозвучит, должно прозвучать в точно выбранный момент – когда Круглова уже потянет на подвиги и авантюры, но до наступления сонной алкогольной апатии будет еще далеко.

Пожалуй, пора. Да и в разговоре как раз случилась идеальная подача – Круглов заговорил о российском ядерном оружии, что бесславно и бесцельно, по его мнению, ржавело в пусковых шахтах. Не у того человека волей судьбы оказался ядерный чемоданчик. Подпустить бы его, Круглова, к Большой Красной Кнопке, так все враги и недоброжелатели России раком встали бы.

– Зачем тебе Красная Кнопка? – спросил Сергей. – Именно тебе – зачем?

Круглов молчал. И казалось, трезвел на глазах.

Сергей раскрыл кожаную папку (приятель давно поглядывал на этот предмет с недоумением), вынул из нее и положил на стол карту – самодельную, на пожелтевшем листе формата А4.

На карте был изображен остров. Вернее, половина острова, потому что некогда карта была вдвое больше, ее нарисовали на двух склеенных скотчем листах, а затем вновь разделили с помощью ножниц, и разрез получился не прямой, а в виде замысловатого зигзага.

Остров не имел резких изгибов береговой линии. Высились на нем горы, протянулась цепочка пальм. В море рядом с берегом кит пускал фонтан, плыл куда-то парусник. В общем, самая обычная пиратская карта. Лишь крестик, указывающий, где зарыты сокровища, отсутствовал, он остался на другой половине. Зато снизу имелся рукописный поясняющий текст. Вот какой:

*акр ыд мод яр с
ого тацдан аблотс
ит йорп к урeve с 4
та тич сто 1
тапок ан*

Внятно и вразумительно, не так ли? И даже слова знакомые попадают. Но все же общий смысл ускользает. К тому же уцелела лишь половинка текста, ножницы прошлись примерно по центру строк. И зигзаг разреза был не таким уж хаотичным, как представлялось с первого взгляда, — располовинил каждое имевшееся в пояснениях число.

Круглов долго молчал, разглядывая половинку карты. Потом рассмеялся и сказал:

– Надо же, сберег...

Сергею показалось, что и смех, и слова прозвучали фальшиво.

– Я ведь тоже сохранил кое-что, – продолжил Круглый. – Погоди-ка...

Серый надеялся, что среди вещей отыщется что-нибудь любопытное. Настоящий кортик, например. Дед был морским офицером, провел всю войну на Тихоокеанском флоте, участвовал в проводках через океан союзных конвоев и в десанте на Курилы, вышел в отставку капитаном второго ранга.

Увы, кортик не отыскался. Равно как и парадный флотский мундир с наградами, на что Серый тоже надеялся.

В ящиках лежала одежда, но исключительно штатская. Костюмы и пальто давно вышедших из моды фасонов оказались так густо пересыпаны нафталином, что его терпкий дух до сих пор не выветрился.

Серый и Круглый не сдавались, дорылись в обоих ящиках до самого дна – вдруг там припрятан небольшой сверток, а в нем наградной пистолет?

Сверток на дне нашли. В нем лежали ремни и подтяжки. Приятели принялись утрамбовывать барахло обратно, задумчиво поглядывая на сундучок, оставшийся неосмотренным.

– Э? – кивнул Серый на инструменты, позволившие попасть сюда.

– Незаметно не смогу, – сказал Круглый. – Штука старая, на совесть сработанная.

Желая подтвердить свои слова, он взялся за навесной за-

мок, и тут случилось чудо – дужка свободно вышла из корпуса. Замок лишь создавал иллюзию, что сундучок заперт.

Откинуть крышку они отчего-то не спешили. Возможно, не хотели окончательно расстаться с надеждой на обнаружение боевых наград или именного оружия.

* * *

Круглов отсутствовал долго. Так долго, что Сергей поневоле задумался о плане В, тот предусматривал поиск клада в одиночестве, руководствуясь лишь своей половинкой карты. И надписью, означавшей в переводе на нормальный язык вот что:

*дырка рядом с
надцатого столба
пройти к северу 4
отсчитать 1
копать на*

Возиться придется куда дольше, подставляя методом перебора цифры взамен отрезанных и по очереди выбирая за точку отсчета разные столбы электролинии. Но Сергей надеялся, что справится, хоть и убьет непозволительно много времени. Самую трудоемкую часть работы – копание ям в неправильных местах – позволит избежать металлоискатель, лежавший сейчас в багажнике.

Плыть в далекие моря не пришлось бы. Побережье остро-

ва своим контуром приблизительно соответствовало ограде фабрики спортивного инвентаря «Динамо», а пересекавшая остров цепочка пальм изображала бетонные столбы линии электропередачи.

Во времена войнушки парни часто лазали на территорию фабрики и наперечет знали все лазейки в ограде. Там, на свалке отходов производства, попадались очень интересные штуки. Например, при удаче можно было отыскать бракованный кожаный мяч, но если вставить нормальную камеру, для игры в футбол он вполне годился, эка важность, что парашвов прострочена криво.

Вошел Круглов и оборвал цепочку ностальгических воспоминаний. Впрочем, принесенный им предмет немедленно запустил ностальгию снова: «шмайссер», непременный аксессуар командира «фашистов». Нижняя, деревянная часть конструкции более чем условно изображала легендарный немецкий автомат. Зато верхняя часть, металлическая, могла стрелять почти по-настоящему. Не очередями, одиночными – но с грохотом, с облачком дыма, вылетающим из дула. Правда, для этого надо было раздобыть охотничий капсюль «жевело» и зарядить его в «шмайссер», а раздобыть удавалось редко.

– Вот, сохранил. Узнаешь? Я пружину поменял, так он даже стреляет, иногда бездомных собак шугаю.

До чего же фальшиво звучали его слова...

– Ты дурака-то выключаешь, Круглый. Не делай вид, что за-

был об «Уничтожителе».

– У меня хорошая память, – сказал Круглов после паузы, и тон его ощутимо изменился. – И клятву нашу я помню. Никто больше не погибнет от этой гребаной хрени! Никто, понял меня, Серый?!

– Не шуми и не делай зверское лицо. Никому не надо погибать. Смотри, что я придумал...

* * *

В сундучке лежали три предмета, завернутые в тряпки.

Приятели стали распаковывать свертки, и первый же вознаградил за все безуспешные поиски. Внутри оказался бинокль, настоящий морской бинокль. У него не имелось ни ремешка, ни футляра, корпус был изрядно потерт, однако линзы в идеальном состоянии, ни трещин, ни царапин.

Серый поднес бинокль к солнечному лучу, протиснувшись в щелку между досками. Прочитал вслух:

– Ю-Эс Нэви, – и прокомментировал: – Ленд-лизовский, факт.

Он был мальчишкой начитанным и знал, что такое ленд-лиз. Служба деда проходила на корабле, полученном от США по ленд-лизу (на сторожевике, кажется, или на эсминце). Серый поискал в том же лучике света, нет ли других надписей, и обнаружил дату – 1943 год.

Морской бинокль – уже круто, а этот к тому же бое-

вой, прошедший войну... Вещь для войнушки бесценная, не сравнить с пропавшей партизанской рацией – с приемником, подобранным на мусорке.

Второй сверток они распаковывали с ожиданием чего-то не менее крутого – и слегка разочаровались, обнаружив компас, но не тот, что надевают на руку, уходя в турпоход. Этот был компас так уж компас, с кастрюлю размером. Тоже корабельная штука, никаких сомнений.

Правда, показывать стороны света компас-переросток не мог – круглая хреновина с делениями, что должна была плавать в жидкости под стеклом, теперь не плавала, поскольку жидкость не то вылилась, не то потихоньку испарилась.

Вещь, конечно, интересная и тоже, наверное, побывавшая на настоящей войне, но для их войнушки ее не приспособить. Серый с Круглым поразмыслили вслух, не сможет ли компас заменить рацию, и решили, что не сможет, вообще ничего общего.

Третий сверток удивил своей тяжестью, словно лежавший в нем предмет был целиком отлит из металла.

Примерно так и оказалось. Массивная металлическая штукovina наверняка имела внутренние полости, но совсем небольшие в сравнении с толщиной станины и... и того непонятного, что к станине крепилось. По виду предназначение не угадывалось, особенно в полумраке чердачка. Приятели лишь разобрались, куда вставляется ручка-рычаг, хранившаяся в свертке отдельно.

– Пойдем-ка с ней в немецкий штаб, там будем разбираться, – предложил Серый. – Бабка скоро вернется, прихватит здесь, так до небес вони будет.

* * *

В высоту стоявшая на штабном столе штука была около полуметра. В ширину в верхней части вдвое меньше, около четверти метра, в толщину сантиметров семь-восемь, не больше, – но внизу, в основании, два последних габарита увеличивались, особенно толщина.

Лишь одно не вызывало сомнений – функциональное назначение четырех выступов с отверстиями в нижней части. На них шутовина стояла вертикально, словно зверь на расставленных лапах. Отверстия наверняка сделаны для болтов, крепивших загадочный агрегат к столу или иному основанию. Из чего следовало, что эта хрень тоже предназначалась для флота – на суше ее трудно опрокинуть, даже случайно задев, центр тяжести слишком низко. На море же при сильной качке может упасть, если никак не закрепить.

Станина была выполнена из черной вороненой стали, лапы составляли с ней единое целое, равно как и две вытянувшиеся вверх стойки, соединенные перекладиной. Между основанием, стойками и перекладиной – основная часть агрегата, из стали другого вида, из хромированной и блестящей. Ее размеры не «гуляли» в зависимости от высоты, оставаясь

ровным параллелепипедом.

Влажный воздух внутри плотно закрытого сундучка не падал, и ни единого пятнышка коррозии не обнаружилось ни на вороненой части устройства, ни на хромированной.

Низ лицевой стороны агрегата пересекали вертикальные прорези примерно на две трети высоты. «Как на рыцарском забрале», – пришла в голову Серому аналогия, но не совсем точная, прорези были не сквозными, за ними тоже поблескивал хромированный металл.

Над прорезями имелась гравировка: плывущий по морю военный корабль, причем не мирно плывущий, корпус и надстройки наполовину скрывались за дымом и за столбами воды, поднятой взрывами. Над кораблем были выгравированы полукругом латинские буквы и складывались в слово DESTROER, переведенное Серым как УНИЧТОЖИТЕЛЬ или РАЗРУШИТЕЛЬ.

Наверное, название корабля. Эсминец «Разрушитель» – звучит красиво и грозно.

Гравировка и надпись не прояснили назначение штуковины. Лишь подтвердили подозрения, что связана она с ВМФ.

В запасе оставался национальный способ изучения незнакомой техники, именуемый «метод тыка». К нему и приступили.

Внутри рабочей части хреновины находились по меньшей мере два вращающихся вала, конец одного из них выходил наружу через отверстие в левой стойке и венчался малень-

ким несъемным штурвалом. Другой вал выдавался за пределы станины справа, он заканчивался набалдашником с круглой прорезью. В прорезь, как они выяснили еще на чердаке, вставлялся длинный массивный рычаг, хранившийся отдельно. Если не прикладывать к нему усилий, рычаг находился в одном положении – торчал вверх и вперед, под углом примерно пятьдесят градусов к горизонту.

Начали со штурвала. По часовой стрелке он вращался с незначительным сопротивлением, против часовой не вращался вообще. При вращении ощущалось, как внутри приходят в движение какие-то детали механизма, но внешне их работа не проявлялась.

Занялись рычагом. Поднять его выше не удавалось. Вниз рычаг шел, но для этого мальчишкам приходилось налегать на него обеими руками. Рычаг опускался примерно на девяносто градусов со все возрастающим усилием, затем внутри агрегата раздавался короткий резкий металлический звук. А мгновением спустя – другой звук, нежный, мелодичный, протяжный, словно молоточек ударял один раз по колокольчику.

После этого дальше рычаг не опускался. И, выпущенный из рук, сам плавно возвращался в исходное положение.

Серый несколько раз опустил рычаг, ему казалось, что разгадка близка и вот-вот станет очевидной.

Круглый, пока приятель упражнялся с рычагом, продолжал в который раз осматривать агрегат со всех сторон. И за-

явил, что за миг до малинового звона колокольчика за «рыцарским забралом» что-то происходит, но что именно, не понять. Серый попросил его заняться рычагом, а сам присел на корточки и уставился на «забрало».

Да, Круглый не ошибся: на долю секунды блеск металла в глубине прорезей сменился чернотой, и тут же все вернулось в прежнее состояние. Повторные опыты принесли тот же результат – разглядеть, что происходит внутри, человеческий глаз не успевал.

Была у агрегата еще одна узкая щель – она прорезала вдоль перекалину станины и уходила в глубину рабочей части. Лезвие ножа, опущенное туда, вошло на всю длину без сопротивления. Идею поработать штурвалом или рычагом, когда лезвие внутри, Серый забраковал. Лишиться ножа ему не хотелось.

– Что-нибудь ненужное засунем, – предложил он, – картонку или бумагу.

– Есть одна хрень никчемная, – сказал Круглый и достал из кармана сложенный вчетверо измятый листок.

Пока Круглый его распрямлял и разглаживал, Серый успел разглядеть изображенное в верхней части здание старинной постройки.

Листок исчез в недрах устройства, лишь самый краешек торчал наружу.

– Что это было?

– Фигня это была. Реклама политехникума сраного. Мать

спит и видит, как меня туда пристроить. Посмотри, дескать, почитай, какие там специальности полезные! – Круглый неумело попытался передразнить материнские интонации. – А мне на хрен не сралась полезная, я интересную хочу. А для начала десятилетку окончить.

С этими словами он энергично начал вращать штурвал.

Оба не могли тогда знать, что десятилетку Круглый не окончит, а его «интересной» специальностью станет на всю жизнь работа оператором электропогрузчика на фабрике «Динамо», затем на той же должности на ЦБК в Антропшино.

Кое-что в результате вращения штурвала произошло. Лист затянуло в агрегат, наружу больше ничего не торчало, обратно не вынуть.

И на этом все.

– А ну-ка... – Круглый двумя руками взялся за рычаг.

Раздался тот же резкий звук и то же мелодичное звяканье, а в промежутке между ними агрегат буквально выплюнул множество крошечных бумажных квадратиков, они закружились к полу, словно небольшая рукотворная метель.

– У нас есть аппарат по производству конфетти, – иронично произнес Круглый. – За Новый год я теперь спокоен.

А Серый все понял. Пазл в его голове наконец-то сложился.

– Это, Круглый, действительно «Уничтожитель». Уничтожает секретные документы. Быстро и надежно, хрен кто вос-

становит и прочтет.

— Было бы из-за чего огород городить. Скомкал, в пепельнице поджег — вот и нет документа.

— В любом случае для партизан «Уничтожитель» штука полезная, — сменил тему Серый. — Если успеют карты и таблицы кодов уничтожить, то будем считать, что половина отряда уцелела при захвате штаба.

— Пускай, — согласился Круглый. — Вместо радиии в самый раз. Зачем только тащили с чердака, если партизанский штаб там будет?

...Идею обустройства партизанского штаба на чердаке по зрелом размышлении все же отвергли. Низко, пыльно, мало света. И взрослые слишком близко — есть риск вместо партизанского рейда отправиться на прополку или на окучивание картошки.

Партизаны квартировали в то лето в построенном для них шалаше. Там же прятали в тайнике «Уничтожитель».

Шалаш считался временным штабом, а стал последним. Сыграли в то лето еще три раза, все с меньшим энтузиазмом, да и забросили навсегда игру — детство заканчивалось. «Уничтожитель» унес к себе Круглый. Сказал, что придумал для него отличное применение: по завершении учебного года устраивать казнь школьного дневника, уничтожать его медленно, с наслаждением, страницу за страницей.

На пять лет «Уничтожитель» был позабыт. Всеми, даже новым владельцем: в последний день учебного года он поле-

нился разыскивать на чердаке аппарат и спускать его вниз – и по старинке сжег дневник.

Вспомнил о нем Сергей в девяносто пятом, перейдя на третий курс ИТМО. Как раз завершилась война, вызванная распадом Югославии.

* * *

Он свалился без звонка, как снег на голову (телефонная линия в сельский дом Кругловых не была проведена, а мобильные телефоны в те годы считались атрибутами лишь богатых предпринимателей и прочих хозяев жизни). Свалился и с места в карьер взял быка за рога:

– Ты помнишь, страницы из каких книжек уничтожали в партизанском штабе? Они, эти книги, сохранились?

– Серенький, ну ты что... Давай лучше выпьем, у меня тут на донце, но сейчас Зинку в сельмаг за добавкой сгоняем. Правда, с деньгами швах, ты нынче при валюте?

– Я привез, не надо никого гонять. Но сначала ответь на вопрос.

– Старик, ведь столько лет прошло... Доставай, что привез, вспоминаться под стопку лучше будет.

– Прошло всего пять лет. А ты всегда хвалился своей памятью. Вспоминай. Не налью, пока не вспомнишь.

Память у Круглого и впрямь была безупречная. Именно она помогла заядлому лентяю и прогульщику учиться отно-

сительно успешно, перебиваясь с троек на четверки. Вспоминать дела минувших дней ему не хотелось, а вот промочить горло очень даже... Но Сергей неуклонно стоял на своем, и Круглый сдался:

– Да там они и лежат до сих пор, в ящике со старьем бумажным. Сейчас притараню, а ты разливай пока.

...Натюрморт из хлеба, водки и дешевой колбасы дополнили два потрепанных печатных издания: брошюра «Четырехзначные математические таблицы» и атлас «Центральная и Восточная Европа». Да, все правильно, Круглый не ошибся. Именно отсюда они выдирали «секретные карты» и «шифровальные таблицы» для партизан.

– Доволен? Успокоился? Можем теперь выпить?

Сергей проглотил водку, не чувствуя ее вкуса и запаха. И взялся за атлас. Это было старое и роскошное издание, неведомо как попавшее в дом Кругловых: карты напечатаны на толстой бумаге и лишь с одной стороны.

А между картами вклеены для пущей их сохранности листы папиросной бумаги. Более того, карты некоторых стран можно широко развернуть, их формат в несколько раз превышает формат атласа. Сорок девятый год издания, теперь такое не печатают.

Сергей быстро пролистал атлас, сверяясь с оглавлением. Отсутствовали страницы в числе гораздо большем, чем три. А он помнил точно: одна игра – одна секретная карта. Помнил даже, какая первой канула в «Уничтожителе»: раскинув-

шийся на шестую часть суши СССР.

– Почему так много карт не хватает? Ты что-то еще забирал?

– Да за хрена мне... Папаша таким и притащил откуда-то, со страницами выпавшими. Мы и для игры-то страницы брали, что уже не держались.

– Понятно.

Сергей отыскал в оглавлении Югославию. Страницы с таким номером не было.

Прежде чем искать Чехословакию, он помедлил. Уже не сомневался в результате, но хотел оттянуть неизбежное.

Чехословакии в атласе тоже не оказалось.

* * *

– Ну бред же, – говорил Круглый час спустя. – Голимое совпадение.

– Три совпадения. Три подряд!

– Да хоть тридцать три.

«Уничтожитель» стоял на столе – третий и безгласный участник беседы. Пять лет, проведенных в спартанских условиях чердака Кругловых, на нем не отразились. На матовом вороненом металле и на сверкающем хромированном ни пятнышка ржавчины.

Все так же летел по волнам лихой эсминец... Теперь Сергей знал, что русский термин «эсминец» переводится на ан-

глийский именно как *destroyer*, и это же слово означает того, кто уничтожает или разрушает. Гравировка всего лишь отражала игру слов. Однако придуманная в детстве тавтология все равно нравилась. Красиво же звучит, внушительно: эсминец «Уничтожитель».

– Хорошо. Вот тебе еще совпадение, четвертое. Помнишь самую первую бумагу, что мы через него пропустили?

– Ну, помню, – неохотно сказал Круглый.

– Что на ней было?

– Ну, политехникум.

– И что с ним стало?

– Ну, сгорел... Ты представляешь, сколько в год в России зданий сгорает?!

– Их мы не пропускали через «Уничтожитель».

– Сов-па-де-ни-е, – по слогам произнес Круглый.

– Есть способ проверить мои домыслы.

– Какой?

– Эксперимент.

– На кошках?

– Ну, как вариант... «Полароид» у меня с собой. Сфоткаем мурку бездомную, какую не жалко.

– Все равно жалко. Проверять, так уж на карте, чтоб все как тогда было.

– Есть плохая страна на примете?

– Есть. Афган.

– Нет, Афган без нас развалился. Правительство только

столицу и близлежащие районы контролирует. Часть страны под талибами, часть под Северным альянсом, часть вообще не пойми под кем, под командирами полевыми.

– А-а-а... Не знал, не смотрю политику в ящике. Ну и ладно. Давай-ка я тебя на маршрутку провожу, сам отдохнуть прилягу, устал чего-то. А хрень эту обратно на чердак, не трогать ее, так и не будет ничего. Хотя, если трогать, все равно ничего не будет.

– За базар ответить готов?

– Это как?

– Слабо тебе СВОЮ фотку сюда опустить? – Сергей показал на «Уничтожитель». – Опустить, штурвал покрутить, за рычаг дернуть? Слабо?

– Да не вопрос. И не тянись за «мыльницей». Думаешь, у меня в доме своей фотки не сыщется?

Вскоре Круглый вернулся. Фотографию для опыта он решил пожертвовать самую простую – для документов, три на четыре. Сергей с удовлетворением отметил, что возвращался приятель несколько медленнее, чем уходил. И на лице появилась некая задумчивость.

Сжатая двумя пальцами фотография ползла к «Уничтожителю» медленно-медленно.

– Смелее! Где четыре совпадения случились, пятому не бывать!

Снимок лишь коснулся «Уничтожителя» и тут же отдернулся обратно. Пьяная решимость испарилась без остатка.

– Мне слабо, – просто сказал Круглый. – Давай лучше попробуем, на ком не жалко.

– Есть кандидат? – спросил Сергей, подумав: «Гайдара или Чубайса назовет? Или сразу на алкаша всяя Руси замахнется?»

– Есть... Клеща помнишь?

Еще бы не помнить... Парень с ласковой фамилией Лютиков, с мерзким прозвищем Клещ и с явной склонностью к садизму был на три или четыре года их старше. И пока не угодил в колонию, оставался главной проблемой в беззаботной летней жизни. Теперь, оказывается, вернулся. Сколотил ОПГ сельского масштаба и беспределит по-черному. Дружков завел в ментовке, и никакой управы на него нет. А кто пытался бороться с Клещом законными методами – у тех горели дома, а потом приходилось продавать за бесценок землю. Так что если Клещ в ближайшее время рассыплется на груды крохотных окровавленных кубиков, жалеть никто не будет, разве что такие же уроды.

– Фото его есть?

– Найдем. – Пьяная решимость вернулась к Круглому от мысли, что есть хотя бы иллюзорный шанс избавиться от ненавистного Клеща. – Лариска, соседка, так она его одноклассница. Попросить групповое фото, переснять, увеличить, вырезать... Сразу к ней схожу, что откладывать-то.

Заниматься фотоработами не пришлось. Вернулся Круглый не с групповым снимком класса – с нормальной фото-

графией Клеща размером десять на пятнадцать.

– Из выпускного альбома взял. Думал, придется стырить незаметно. А она сама такая: не нужна мне память об этой мрази, глаза бы мои не видели... И оторвала, значит, фотку. Ну, я и забрал.

Фотография исчезла в «Уничтожителе». Рычаг дернулся вниз, лязгнуло-звякнуло, водопад бумажных квадратиков посыпался в подставленную миску. Круглый все сделал своими руками – возбужденный, глаза поблескивают, – не позволил приятелю даже прикоснуться к агрегату. Видать, натерпелся.

– И что теперь? – спросил Сергей.

Ему не терпелось пойти и узнать о результатах опыта. Вдруг уже сработало? Человек не страна и не здание, много ли ему надо?

– Да ничего теперь, – понуро сказал Круглый, его возбуждение на глазах опадало, словно проколотая надувная игрушка. – Тебе на маршрутку, мне в люльку – вон Зинка уже кругами бродит и волчицей зыркает. А с гнидой Клещом нам еще жить и мучиться, потому что все это бред, голимый бред.

* * *

– Приезжай! – орал в трубку Круглый. – Быстрее едь! Такси бери, понял?!

– Что случилось? Клещ? Сработало?

– Я с динамовской проходной звоню! – орал Круглый. – Выезжай быстрее, не тяни!

И связь оборвалась.

Добрался он быстро, но Круглый все же успел за это время сделать два дела.

Во-первых, отправил свою пассию Зинку ночевать к матери (и очень правильно, по мнению Сергея, поступил).

Во-вторых, успел капитально налакаться, в трубке еще звучал практически трезвый голос, хоть и порядком взволнованный. Пить ему, конечно же, не стоило. Но пусть бросит камень тот, кто очутился в ТАКОЙ ситуации и обошелся без традиционного антидепрессанта.

...Клещ прожил меньше суток после того, как его фотография канула в «Уничтожителе». Погиб минут за сорок до звонка Круглого, причем тот видел тело и впечатления получил незабываемые.

На мелкие окровавленные кубики деревенский мафиозо не рассыпался, все было проще, банальнее. Клещ собирался перейти шоссе Павловск – Гатчина (оно же в том месте – главная улица Покровки). Собирался – и передумал, справа быстро приближалась фура.

Казалось, что никакой угрозы нет, Клещ стоял на дальней, безопасной обочине, но фура неожиданно вильнула, выкастила на встречу, смахнула Клеща с дороги, словно кеглю... Затем выровняла свою траекторию и укатила.

(Назавтра распространится слух, что водителя вскоре задержали, и был он трезвее стеклышка. Поплохело человеку: сжалось сердце, в глазах на миг потемнело — а когда посветлело, понял, что машина стремится под откос. Торопливо вывернул руль и даже не понял, что кого-то сбил.)

Круглый оказался на месте происшествия одним из первых. Самое большое впечатление на него произвели мозги Клеца, размазанные по асфальту на три метра.

— Три метра, прикинь? — твердил он. — Три гребаных метра!

Других подробностей было не добиться, да и не очень хотелось.

И вообще Круглый был плох... Застрял на покаянно-плаксивой стадии опьянения. Истерил и не знал, что делать. Точнее, знал, и очень даже хорошо знал, но никак не мог расставить по приоритетам желания и потребности. Ему хотелось, причем одновременно:

- пойти немедленно в милицию и написать там явку с повинной, сознавшись в убийстве;

- не меньшим было желание отправиться в Колпино, на Ижорский завод, просочиться как-нибудь на территорию и швырнуть проклятую штуковину в плавильную печь;

- с поездкой на завод конкурировало намерение на коленях проползти через всю Покровку к матери Клеца и молить, молить, молить ее о прощении, не вставая с колен, разумеется;

– еще была потребность сию же минуту оседлать мотоцикл, погнать его к Уховскому карьеру и утопить там мерзкую железяку.

Дальнейшие плодотворные идеи Сергей не слушал. Клинышибают клином – он налил водки не в стопку, в граненый стакан, и чуть не силой заставил Круглого выпить. Потом тот долго и неэстетично блевал, потом стал способен к разговору – правда, логики в нем придерживался странной, не всегда понятной трезвому человеку.

Сергей, попытавшись угодить с приятелем в резонанс, тоже выпил несколько стопок. Это стало ошибкой, совсем забыл, что ничего не ел с утра – на пустой желудок развезло быстро и качественно.

В результате последовавший разговор вспоминался кусками и обрывками. Сергей прекрасно помнил, как отговаривал Круглого наладить «Уничтожитель» в карьер или плавильную печь и отговорил – сошлись на том, что совершать необратимые поступки не стоит.

Но вот кому из двоих пришла бредовая идея зарыть агрегат не где-нибудь, а на территории фабрики «Динамо»? И почему второй с этим бредом безропотно согласился? Загадка...

Откладывать не стали. Не протрезвев, той же ночью закопали «клад». Выпили еще и изготовили карту, сочинили и зашифровали поясняющие надписи, хорошо понимая, что к утру все направления и количества шагов будут прочно за-

быты.

Карта выглядела тогда гораздо проще. Цепочка палочек-столбов, крестик, надписи – и больше ничего. Сергей позже дорисовал на своей побережье острова, кроны пальм, кита, парусник и прочее украшательство.

Половинка карты Круглого, был уверен Сергей, осталась в первозданном виде, рисовальщик из того никакой... Плевать. Лишь бы вообще уцелела. Долго ли за двадцать семь лет утратить клочок бумаги? Поиски со своей половиной могут не уложиться в одну ночь. А каждые сутки промедления – недопустимый риск.

5. Рассвет и расплата

На столе появилась еще одна карта. Нет, не та половинка, которой так не хватало Сергею. Сопредельная страна, чаще всего упоминаемая в сегодняшнем разговоре «за политику», накануне была аккуратно вырезана из карты по контуру границы. Затем Сергей наклеил вырезку на белый лист, а заодно подготовил маленький сюрприз – не зная, потребуется тот или нет. На тот случай, если все же нет, подготовил вторую такую же карту, но без сюрприза.

– Там же люди, – голос Круглова звучал почти жалобно. – Живые...

– Клещ тоже был живым. Ты размазал его мозги на три метра и правильно поступил.

– Нет... совсем не правильно. Нельзя так, понимаешь? Он был мразь, да, его надо было судить, сажать... заказать, в конце концов. А вот так – нельзя. Я двадцать семь лет с этим жил и над этим думал и понял: от сатаны эта игрушка, и ничего ею не исправишь и не наладишь, только хуже сделаешь.

«Чистоплюй хренов», – подумал Сергей и зашел с другого фланга:

– Люди останутся жить. Мы-то остались. Разрушится страна, распадется на области, на регионы. А люди здесь, – он ткнул в карту, – не нарисованы, ни один человек. Ты ящик смотришь? В интернет заглядываешь? Ты знаешь, что там творится? Хуже мы уже не сделаем, не тревожся.

Кое-как Круглова удалось уломать, но на жестких условиях: они используют «Уничтожитель» единственный раз. И тут же, не дожидаясь рассвета, поедут с ним к Уховскому карьеру – туда, где глубина восемнадцать метров. Сейчас, по слухам, стало мельче, на дне скопился изрядный слой ила. Но это даже к лучшему, никакой залетный дайвер не наложит руку на утопленный аппарат.

Сергей на все согласился, Круглов сходил за второй половинкой карты. И кладоискатели отправились за своим сокровищем.

* * *

Рассвет близился, на востоке горизонт набухал красным.

Сергей ехал домой. Но не доехал, свернул на проселок, припарковался в укромном месте. И достал из багажника «Уничтожитель».

Первый солнечный луч скользнул над землей, металл сверкнул ослепляющим бликом – казалось, агрегат довольно скалит длинные хромированные клыки: после двадцати семи лет бездействия и забвения он снова в игре! Эсминец вышел на дистанцию атаки!

...Круглов отказался участвовать в утилизации карты, наклеенной на белый лист. Безвольно махнул рукой: делай все ты, дескать. А сам накапал себе остатки водки. Мелодичный звук колокольчика не заставил его повернуть голову. Хотя смотри, не смотри – все равно не заметишь, что некоторые квадратики не двухслойные, а трехслойные, и не догадаешься, что между картой и листом бумаги была спрятана начинка: давняя фотография четырнадцатилетнего парнишки, которого без труда можно было развести на «слабо».

Подействовало почти мгновенно. Не понять только, что именно – уничтожение фотографии или последняя стопка. Круглов пробормотал, что на карьер они поедут чуть позже, устал как собака... Устроился на тахте и немедленно захрапел.

«Прости меня, Круглый, – думал Сергей, шагая к машине с «Уничтожителем». – И если там, за гранью, есть хоть что-то, не держи зла. У тебя был шанс прожить еще лет пять или семь и лишь потом загнуться от цирроза. Но ты не захотел им

воспользоваться. А я за свои шансы держусь руками, ногами и зубами. Так что извини».

...Фотография была скачана в интернете, на официальном сайте БНХ. Групповой снимок руководства компании.

– Зря вы, ребята, со мной связались, – сказал Сергей, и фотография беззвучно скользнула в прорезь.

Через три часа Маша Гордиенко испустила дикий, граничащий с ультразвуком визг и полезла прятаться под стол.

* * *

Он протискивался сквозь толпу и не верил тому, что видел. Вернее, тому, чего не увидел.

А не увидел он своего дома. В сомкнутом ряду трехуровневых таунхаусов зиял разрыв. Груда разбитого кирпича, осколков стекла, чего-то еще... На воздух поднялись все три уровня. Живых там не могло остаться даже теоретически.

Резко пахло чем-то химическим. В отдалении выла сирена. За спиной шептались о взрыве бытового газа – смелое предположение, учитывая, что таунхаусы не были газифицированы.

«А я ведь говорил, что ничего этой хреновиной не исправишь и не наладишь, только хуже сделаешь», – прозвучал в голове голос Круглого.

«Заткнись! Ты мертв!»

«Ты тоже. Ты умер и не заметил этого».

«Заткнись, сука, заткнись, заткнись, заткнись!!!»

6. Две недели спустя. Разговоры с мертвыми

Кладбище. Большой ухоженный участок. Три свежих холмика. Длинный надгробный камень – один на троих, временный, хотя известно, что такие вещи самые долговечные.

Небольшой столик, рядом скамеечка, на ней сидит человек. Чем-то смахивает на бомжа: десятидневная щетина, вонь давно не мытого тела, мощное алкогольное амбре. Но бомжи не носят костюмы от Digel, подобранные идеально по фигуре.

На столике бутылка водки и стакан. У ног мужчины странная конструкция из вороненого и хромированного металла.

Мужчина смотрит на могильный камень. А с камня – с овального группового портрета – на него смотрят трое: молоджаво выглядящая женщина, к ее плечам прижались дети: мальчик-подросток и девушка на три-четыре года старше. Мужчина знает, что они мертвы, но не может в это поверить.

Он пришел сюда не в первый раз и не во второй. Он обращается к мертвым с бесконечным мысленным монологом, и изредка кажется, что ему отвечают. Подозревает, что это не так, что все ответы порождает его воспаленный мозг. Но ему удобнее верить, что ответы звучат извне, и он верит.

Дико хочется все переиграть, вернуть все назад. Но такое удастся, лишь пока все живы. А сейчас он может только что-

нибудь разрушить. Или уничтожить. Или кого-нибудь. Или всех. А так хочется воскресить...

«...Такой уж у меня талант, такое имманентное качество – просрать все, что имею. А второй мой талант – опаздывать всегда и всюду. Совсем на чуть опаздывать, и это обиднее всего. Если бы я откопал эту штуку на сутки раньше, если бы...»

«...Я долго искал себя, пробовал разное. В институте думал, что смогу стать поэтом, и убил два года на походы в лит-студию, пока не понял, что рифмачество и поэзия разные вещи. Потом думал, что смогу зацепиться в науке, но бездарно просрал подвернувшийся шанс. Потом двинул в бизнес и там просрал вообще все: и бизнес, и семью, и свою жизнь. Да, да, мне тут сказали... заткнись, Круглый, не лезь в разговор! Так вот, мне сказали, что я умер, и это так. Я умер, но не могу уйти, потому что наконец обрел себя».

«Вот как оно бывает – надо просрать все на свете, чтобы обрести свое призвание и служение. Я теперь Властелин Жизни и Смерти, знаете ли, Круглый не даст соврать. Разве что коса немного странная, но я привык. Вот только косить слишком долго, можно застрять тут на всю вечность, а мне хочется к вам. Но я кое-что придумал, есть козырь в рукаве, даже два козыря...»

Мысленный монолог закончен. Человек ждет ответа, однако тот не звучит. Ему страшно. Если ответы прекратились, то походы сюда, на кладбище, теряют смысл. А больше у него

не осталось ничего.

Хотя нет, остались два козыря в рукаве.

Он достает свои козыри. Не из рукава, из кармана. Они измяты и захватаны грязными пальцами, он не раз их доставал и убирал обратно.

Это два листка из карманного «Атласа мира». Карта Восточного полушария в азимутальной проекции. И карта Западного.

– Может, сейчас? – спрашивает он вслух у агрегата. – С какого начнем? Или сразу оба, чтобы никому не обидно? Да скажи ты хоть что-то, сука железная!

Пожилая пара, неторопливо шествующая по кладбищу, оглядывается на крик. И прибавляет шаг.

Ему все равно. Ответ получен, в вечерней тишине медленно тает звук колокольчика.

Второй раз колокольчик не прозвучал, – значит, ответ положительный. Ну, так тому и быть.

Козыри исчезли в «Уничтожителе», лишь краешки торчат наружу. Пока штурвал не пришел в движение, все можно переиграть.

– Я сделаю, все сейчас сделаю, – успокаивает он. – Махну еще сотку для храбрости, и полный вперед.

Рука дрожит. Горлышко бутылки постукивает о край стакана, выбивает тревожную дробь.

Август 2022

Александр Громов

Курильщик, или Почему у совы большие глаза

*Внимание! Текст содержит сцены употребления табака.
Курение опасно для вашего здоровья.*

Он сидел в зале ожидания, очень хорошо наполненном всевозможным людом с чемоданами и сумками, однако пять мест справа от него, пять мест слева и целый ряд сидений напротив оставались пустыми. Не то чтобы какая-то аура, идущая от одинокого пожилого человека, отпугивала пассажиров – они просто не замечали свободных мест. Не было у этого пожилого человека – стариком я бы его не назвал, развалиной он не выглядел, – никакой зловредной ауры; ее, между нами говоря, вообще не существует.

Вылет задерживался. Где-то над Ставрополем бушевала гроза.

Я присел рядом с одиноким пассажиром, не спросив разрешения. Он покосился на меня без особой неприязни, передвинул свой баул, чтобы я мог вытянуть ноги, и, достав из кармана баллончик, зарядил себе в рот изрядную порцию спрея. Запахло «Никореттой».

– Тяжко, – посочувствовал я. – Здесь курить нельзя, а ту-

да-сюда не набегаяешься. Вы, я вижу, курильщик со стажем.
– И с немалым. – В его тоне удивительным образом сочетались гордость и сожаление, причем строго в равных долях. – А вы?

– Могу курить, могу не курить, – честно ответил я.

Он завистливо вздохнул. Через пять минут мы уже всю болтали. Что поделаешь, у меня очень располагающая внешность.

Звали его Глебом Петровичем, а летел он в Минводы. Оторвал бесплатную путевку. Врачи велели лечиться. Расшатанная нервная система и прочие болячки организма, особенно одна... Тут он замолчал, сообразив, как видно, что едва не сболтнул лишнее, а я и не настаивал. Заранее знал: все расскажет как на духу, не надо только мешать ему выговориться. Моему визави не нужен был собеседник – нужен был слушатель. Причем такой, который не сбежит.

Само собой, я не мешал ему, но и не поторапливал. Времени у меня было достаточно.

И он начал. Как-то вдруг, ни с того ни с сего.

* * *

Стригицефалия... что за зверь?

Глеб Петрович повертел в руках пачку сигарет. Хмыкнул. Еще раз прочитал сквозь целлофан название таинственной болезни. Всмотрелся в рисунок – ничего не понятно. Ка-

кие-то не то кости, не то мышцы, не то жилы, и все эти анатомические детали перепутаны и перекручены так, что без медицинского диплома не разберешь, где тут что и зачем.

Хмыкнув еще раз, он вскрыл пачку, извлек сигарету, закурил. Ну... сигарета как сигарета, обыкновенная и на вид, и на вкус. Вот и ладушки...

Когда, стоит лишь потянуться за очередной порцией никотина, прямо в глаза тебе лезет изображение мозга, пораженного тяжелым инсультом, или гангренозная конечность, помещенная на аверс и реверс сигаретной пачки кем-то не в меру добрым, твое эстетическое чувство, по идее, должно жестоко страдать, если только ты не извращенец. Наверное, полагается еще пугаться, да ведь к испугу быстро привыкаешь, вот в чем дело. «Пугает, а мне не страшно», – мог бы повторить вслед за классиком Глеб Петрович Взбукотенин, презрительно фыркнув по адресу доброго дяди из Минздрава.

Всякому образованному человеку известно: одурманивать себя алкалоидами свойственно не только приматам. Тут отличились и некоторые копытные, и даже насекомые. Такова уж природа живых существ, а спорить с природой Глеб Петрович не дерзал. Он даже соглашался с тезисом, что курильщик – наркоман, хоть и не шибко опасный для общества. Во-от! Не опасный? Всего лишь неприятный? Да мало ли вокруг неприятного! Может, ваши автомобили меньше портят атмосферу выхлопом? А дымовые трубы заводов и

всяческих ТЭЦ? То-то же. Ну и заткнитесь, займитесь лучше своим делом, а мне оставьте мое, я тихий пенсионер, я социально безопасен, и не старайтесь превратить меня в социально опасного, вам же хуже будет...

Сойдя с электрички, Глеб Петрович неспешно направлялся к своей даче в душевном состоянии, близком к гармонии. С плакучих берез неслышно падали желтые листья, над осенними цветами жужжали шмели, молча порхали какие-то птички, деревенская коза флегматично объедала придорожный куст, словом, тишь и умиротворение царили в природе. Опасаясь, что имеющегося запаса курева не хватит, Глеб Петрович прикупил в крошечном магазинчике возле станции еще одну пачку сигарет и немедленно пустил ее в дело. Организм требовал подзарядки. Что есть курение? Верный способ погубить свое здоровье за свои же деньги? Некурящий так и скажет. Курильщик возразит: курение табака не блажь и не роскошь, а просто способ существования белковых тел. Может, и не всех подряд белковых тел, но некоторых – определенно.

Белковое тело Глеба Петровича всего лишь вытаращило глаза, прочтя на пачке о неведомой стригицефалии, немного поломало белковую голову над вопросом, что это значит, а потом махнуло белковой рукой. Мало ли кто что выдумает!

До сих пор было просто: машина на фабрике шлепала пугалки из скудного перечня. Пародонтоз – ну да, это явно не то, о чем мечтает каждый. Инсульт – просто унижительная га-

дось. Валяться бревном, мычать и ходить под себя... бр-р! Инфаркт и то лучше. Мертворождение? Недоношенность? Глеб Петрович криво ухмыльнулся: это точно не про него. Гангрена, слепота, рак горла, новообразования? Кто только додумался пугать курильщиков тем, что подстерегает и некурящих! Рак легкого? Вот это уже интереснее: одного, значит, легкого, а второе, выходит, в безопасности... хе-хе. Мучительная смерть? Гм, а не будет ли обидно помирать, если как следует не помучишься и не увидишь в смерти избавление? Еще неясно, что на самом деле горше. Что там еще в перечне – импотенция? Она страшна в двадцать-тридцать-сорок лет, а после шестидесяти это просто обыденная неприятность. Особенно для холостяка. Да и нельзя сказать, что она уже победила...

«Не расстанусь с “Беломором”, буду вечно молодым», – пропел про себя Глеб Петрович, в молодости и впрямь превративший в пепел и дым тонну папирос. Позднее он отказался от них в пользу трубки, а от нее перешел к сигаретам, поскольку возня с трубкой и сам процесс курения оной требуют вдумчивой неторопливости, непосильной для холерика. Равно и сигары, не говоря уже о кальяне, изобретенном вечно алчущими неги бездельниками с Востока и вызывающем у желчного непоседы ассоциацию с замысловато устроенным клистиром. А последний как-то не очень соотносится с нейгой.

Непонятная стригицефалия была забыта еще до того, как

на Глеба Петровича навалились дачные заботы. Тщательно выбрить газон и мульчировать на зиму грядки травяным крошечком, поправить покосившийся забор, срезать с яблонь сухие ветки и обмазать срезы садовым варом, починить задвижку в сортире, сжечь в железной бочке мусор и еще успеть в лес – проверить, не пошла ли вторая волна опять. Не пошла, зато набрал волнушек на засол. День кончился.

Пачка сигарет – тоже. Прежде чем отправить ее в огненное хайло буржуйки, Глеб Петрович еще раз прочитал пугалку, хотел было хмыкнуть, но вместо этого бурно раскашлялся. Вот же гадость... Все-таки табак – зло. Ну и пугали бы бронхиальной астмой, это хоть понятный недуг!

Гм, «цефалия» – это, по идее, что-то насчет кочана головы. А что такое «стриги»? Вряд ли имеется в виду стригуший лишай...

В латыни наш курильщик разбирался примерно так же, как бедуин в мореплавании, а потому вторично удалил непонятное слово из черепной коробки. Однако на завтра по пути на станцию он вновь заглянул в крошечный магазинчик и – надо же случиться такому совпадению – опять получил пачку со стригицефалией. Причем мрачная толстая тетка, стоявшая за прилавком с видом страдальницы за неправо дело, определенно не думала над ним насмеяться и вообще вряд ли смогла бы прочесть такое мудреное слово.

Опустевшую на завтра пачку Глеб Петрович выбросил в мусоропровод вместе с другим мусором. Туда ей и дорога.

Тотчас щелкнул замок в квартире напротив, и в приоткрывшейся щели любознательно заблестел глаз соседки, чьим именем-отчеством Глеб Петрович никогда не интересовался, а фамилию поневоле знал: Фуфайко. Именно эта фамилия стояла под каждодневными заявлениями в полицию на соседей, а пуще всего на него, Глеба Петровича: и весь-де подъезд он прокурил анашой, и торгует дурью, и притон у себя в квартире устроил, и навел порчу на волнистого попугайчика заявительницы, и многое другое. В полиции вздыхали и регистрировали заявления. Приходил участковый. Глеб Петрович поил его чаем, угощал сигареткой и выслушивал жалобы на сумасшедших. По классификации лейтенанта они делились на три разновидности: тихие, буйные и писучие. Что делать с последними, никто не знал.

На щелчок замка в Фуфайкиной двери Глеб Петрович невольно повернул голову, и сейчас же в шее что-то внятно щелкнуло и кольнуло. Н-да. Старость, как известно, не радость. Хорошо бы забыть о том, да мослы не дают.

Потирая шею, Глеб Петрович вернулся в свою квартиру, включил телевизор. Показывали народные волнения и стихийные бедствия, что, в общем, одно и то же, потому что народ – тоже стихия. Открыл форточку, закурил. Поразмыслил над тем, является ли Фуфайко частью народной стихии или ее следует рассматривать как стихию самостоятельную, и ни к какому выводу не пришел. Тут на экране замелькали отвратные рожи бандюков из очередного криминального сери-

ала и не сильно отличающиеся от них лица оперов. Глеб Петрович скрипнул зубами и выключил телевизор, сделав пультом выпад, будто шпагой. Чересчур поспешно, увы. Задетая локтем дымящаяся сигарета, уронив выросший столбик пепла, упала с борта пепельницы на столик, а оттуда скатилась на ковер.

Вскочить, подобрать, пока не прожгло дыру, – от силы секунды две даже для человека в возрасте. Плевое дело. Но инстинкт, инстинкт!.. Именно он, негодяй, заставил вскакивающего с кресла Глеба Петровича стремительно повернуть голову к месту предполагаемой дислокации окурка.

Ковер был спасен – но вновь в шее тихонько хрустнуло. Что за черт?..

Медленно и осторожно Глеб Петрович повернул голову вправо, затем влево, боясь: а вдруг стрельнет острой болью? Обошлось. Да ведь и невозможно свернуть себе шею простым поворотом головы! Кажется, еще никому это не удавалось.

И все-таки с шеей что-то было не так. Но что – пока неясно.

Прошло время. Кончился золотой октябрь, нестерпимо медленно протаскился мерзкий слякотный ноябрь, а декабрь выдался удивительный: снежный и умеренно морозный, как в старину. Глеб Петрович достал с антресолей старенькие лыжи. Кто сказал, что убежденный курильщик не хочет иногда подышать свежим воздухом на лыжне? Нельзя заикли-

ваться на чем-то одном. Само собой, он давно уже и думать забыл о шее, ибо незачем думать о том, что не мешает течению жизни.

Свитер, куртка, теплые штаны, вязаная шапочка и палки в руки. За плечами – рюкзачок с термосом и бутербродами. Поскрипывал снег, сверкал иней. Мешали гуляющие, вообразившие себе, что зимний лесопарк существует только для них, хотя, по правде говоря, они больше мешали не пенсионерам, держащимся лыжни, а спортивной молодежи, со свистом проносившейся по пешеходным дорожкам коньковым ходом. Одолев без передышки половину лесопарка, запыхавшийся Глеб Петрович выкатился к пруду. Тут визжала ребятня, сваливаясь с раскатанных до ледяного блеска снежных горок на санках, ледянках, бубликах и даже ветхих картонках. Нестерпимо захотелось вспомнить детство и тоже лихо скатиться с горки. Конечно, это глупость в таком возрасте, и все же... А, была не была! Посмеиваясь про себя, Глеб Петрович взобрался наверх, выбрал примерную траекторию, решительно выдохнул, оттолкнулся палками...

Тут уж стало не до смеха. На середине спуска лыжи разъехались, и тому, кто смотрел со стороны, наверное, стало весело. Не каждый ведь день увидишь, как нелепый старикан мельнично размахивает руками и пытается извиваться негнушимся телом, тщаь устоять на ногах. Ежу ведь понятно, что не устоит, так уж лучше бы сразу падал...

Глеб Петрович упал в самом низу, да так неудачно, что

свету незвидел. Удар о наст был силен. Пискнув придавленным котенком, шея внезапно повернулась на недозволенный угол.

Охи, ахи, чей-то злорадный гогот – все посторонние звуки прошли мимо внимания пострадавшего, потому что – о, чудо! – почти сразу шея вернулась в нормальное положение. Что-то внутри нее щелкнуло, но и только, а какой-нибудь особой боли Глеб Петрович не ощутил. И неудивительно: ну какую добавку к боли во всех ушибленных мышцах и суставах могла дать шея? Самую малую.

Кряхтя, Глеб Петрович кое-как принял вертикальное положение и обнаружил поблизости двух подростков – рты до ушей.

– Что, дедуля, о песок запнулся?

– Какой еще песок?

– А который с тебя сыплется.

Обругав молокососов, Глеб Петрович захромал прочь. Добраться домой стоило адских трудов. И только вечером осенило: никто из зевак, по-видимому, не заметил, как свернулась его шея, а если и заметил, то решил, что показалось.

Вот и ладно.

А как оно на самом деле?.. Медленно, как башню танка «Тигр», Глеб Петрович повернул голову вправо, каждое мгновение ожидая вспышки нестерпимой боли. И – ничего. Голова спокойно повернулась на 90 градусов, где и уперлась в естественный, установленный природой предел. Уже чи-

сто для проформы Глеб Петрович осторожно напряг мышцы, сиюсь повернуть голову дальше...

И щелкнуло! И повернулась голова! Боль оказалась не особенно сильной. Терпя ее, Глеб Петрович скосил глаза книзу, в немом изумлении обозревая собственную спину. Вдруг испугавшись, вернул голову в исходное положение, даже руками помог. Ох... что же это?

Одиночество старого холостяка хуже одиночества вдовца – тот может жить хотя бы воспоминаниями разной степени сладости, а если есть дети, то и ощущать порой, что жизнь прожита не совсем зря. Тому, кто один на свете, остается лишь лелеять свои болячки. Пьянице легче, он может забыться. Глеб Петрович был непьющим.

Болели мослы, ныли суставы, обширные синяки, там и сям расплывшиеся по коже, смахивали на очертания океанов. Как ни странно, меньше всего беспокоила шея, словно приглашая повторить эксперимент, но Глеб Петрович страшился таких опытов над собой. Кое-как дохромать до продмага, запастись провизией дня на три, приготовить на плите нехитрую снедь, включить телевизор, попасть на отечественную мелодраму, зарычать, найти в интернете ролик о выращивании сельдерея на дачной грядке, осмыслить, обозвать автора придурком – и, главное, курить, курить в форточку... У белковых тел бывают и такие способы существования.

Заходил участковый, настроенный юмористически.

– Так это вы, значит, вызвали у гражданки Фуфайко диа-

рею?

– Как?

– С помощью телепатии.

Глеб Петрович тяжело вздохнул:

– Если б я только мог...

– Да и я бы, – признался участковый. – Кстати, вы смотрите сериалы?

– Почти нет.

– Ваше счастье. В заявлении также указано, что вы еще и сериальный маньяк-убийца.

– Может, серийный?

– Это ваши домыслы. – Лейтенант изо всех сил старался не заржать. – А мы реагируем только на то, что написано. Я был просто обязан спросить о сериалах.

– А неплохо было бы поубивать тех, кто их клеветает, – кровожадно заявил Глеб Петрович, морщась и оглаживая болящий бок. – Ежели не всех, так хоть половину...

– А потом вас разорвут домохозяйки.

– Н-да. Чаю хотите?

Лейтенант не отказался. Если Глеб Петрович в чем-то и преуспел в жизни, так это в искусстве заваривать чай. Казалось бы, чего проще? И какой такой вкус чая может оценить злостный курильщик с навсегда контуженным обонянием и вялыми вкусовыми пупырышками? Ан нет, мастерство не прокуришь, его даже полиция ценит.

Отвернувшись, он колдовал над заварочным чайником, в

то время как восседающая на табурете за кухонным столом полиция крутила носом:

– А и накурено же у вас...

– Где? – удивился Глеб Петрович. Последнюю сигарету он выкурил полчаса назад, и форточка была приоткрыта. Где же накурено? – Разве...

Он хотел сказать: «Разве это накурено?» – и не окончил, внезапно осознав, что повернут к лейтенанту анфас, но одной лишь головой; туловище же по-прежнему демонстрировало полиции сутулую спину. Осознал и лейтенант. Моргнул. Его челюсть начала медленно отваливаться.

Возвращать голову на место пришлось руками. Глеб Петрович внутренне сжался и похолодел. Наверное, такое же зябкое ощущение испытывает разоблаченный шпион или пойманный с поличным упырь: одному мерещится пыточная камера, другому – осиновый кол.

– Как вы это делаете? – донесся из-за спины растерянный голос.

Оставив ненужную уже возню с чайником, Глеб Петрович медленно повернулся всем туловищем.

– Что именно?

– Ну... это... с головой. В смысле, с шеей. – Участковый сделал руками движение, как будто закручивал вентиль большого газопровода.

– А что с шеей? – ненатурально изобразил удивление Глеб Петрович. Не помогло: лейтенант профессионально не велся

на уловки тех, кто включает дурака.

– Как давно это у вас?

– Недавно, – раскололся Глеб Петрович. – Оно, знаете ли, не нарочно, оно само собой...

– А что врачи говорят?

Что могут говорить врачи о больном, который к ним не обращался? В ответ на неопределенное пожатие плечами лейтенант сообщил:

– Есть у меня один знакомый медик. Специалист без дураков, из настоящих. Хотите устройю вам встречу? Ему будет интересно.

«А мне?» – подумал Глеб Петрович. Без этой фразы о чьем-то чужом интересе он мог бы, пожалуй, согласиться предъявить себя эскулапу – но только, чур, без огласки! Не хватало еще прослыть диковиной, чтобы о тебе писали статьи в умные журналы! Да если бы только в умные! Разнюхает пресса – нипочем не даст спокойно жить. Будет тогда Фу-файко строчить кляузы о том, что ее сосед режет репортеров и расчленяет их в ванне, в то время как еще не расчлененные выстраиваются в очередь на площадке...

– А чего я буду лечить то, что не беспокоит?

– Я не сказал «лечить». Он судмедэксперт.

– Тогда тем более, – отрезал Глеб Петрович. – Пусть на ком другом защищает диссертацию, а я пас.

Участковый пил чай, жевал тульский пряник и таращился во все глаза, а перед уходом попросил Глеба Петровича

вновь показать поворот шеи на 180 градусов и получил категорический отказ. Может, и не стоило огорчать блюстителя порядка, неплохого в общем-то мужика, да злость взяла. Экспонат я вам, да? Музей вам тут? Перебьетесь.

Глеб Петрович засел за теорию. Довольно скоро он узнал, что не является уникамом: еще век назад на цирковых подмостках подвизался некий Мартин Лаурелло, он же «человек-сова», с легкостью проделывавший тот же трюк с шеей. Были и другие клоуны в том же роде, а некоторые здравствовали и поныне. С одной стороны, это радовало, с другой – злило. Всю жизнь мечтал потешать публику на старости лет!

Во время сбора информации что-то вроде мелькнуло и сразу же забылось. Осталось лишь подозрение: упустил нечто важное. С упорством пенсионера, коему, по общему мнению, некуда девать время, Глеб Петрович прошерстил источники вторично.

И вот оно: совиная голова Лаурелло! Сова по-латыни – strix, совиный – strigis. Пришлось на всякий случай свериться с латинским словарем. Пазл сложился. Значит, таинственная стригицефалия есть не что иное, как синдром «совой головы»!..

Однако!

Покупаемые сигареты привычно страшили гангреной, слепотой и раком, но не стригицефалией. Интернет молчал о ней, как партизан на допросе. Зачем, ну зачем выбросил те пустые пачки... Автора! Автора!

Ехать. Немедля. В тот поганый магазинчик, чтоб его... Если понадобится, линчевать толстую мрачную продавщицу, но попытаться у нее, кто поставщик тех сигарет. Выяснить через последнего, кто изготовитель, и... что дальше? Вчинить ему иск?

Там видно будет.

Вырвавшись из городской слякоти, электричка пронзила белоснежные поля. Оскальзываясь на замерзших лужах, Глеб Петрович одолел невеликое расстояние между станцией и магазинчиком, а одолев, пробормотал ругательство. Магазинчик был закрыт, и, судя по снятой вывеске, навсегда. Входная дверь при ближайшем рассмотрении оказалась заколоченной толстыми гвоздями. Вот оно как... Ну да, все правильно, где уж мелкой торговлишке конкурировать аж с тремя сетевыми магазинами, что торчат по ту сторону железной дороги! У мелких и летом-то, наверное, не было никакой рентабельности...

Восторжествовала экономическая теория, но не Глеб Петрович. Он вернулся домой в самом паскудном настроении.

Что хорошего в хандре? Только одно: она не вечна.

Вновь потекла жизнь и даже стала интереснее. Жертва стригицефалии упорнее налегла на теорию. Переплетение мышц шеи на анатомических картинках вызывало оторопь. Сначала Глеб Петрович искренне жалел студентов-медиков, вынужденных зазубривать, какая мышца как называется, куда крепится и для чего служит, но спустя месяц уже сам мог

бы сдать этот раздел анатомии на троечку. Всякий, кто может запомнить и без запинки протараторить хотя бы словосочетание «грудино-ключично-сосцевидная мышца», уже не совсем безнадёжен.

Что-то все-таки не сходилось. Например, Мартин Лаурелло почти не мог дышать, обозревая тыл, а Глеб Петрович мог. Лаурелло страдал, по-видимому, врожденной патологией, а не приобретенной. Хотя тоже курил и, кстати, мог курить с вывернутой шеей. Попробовать, что ли?

Сказано – сделано. Получилось.

К этому времени Глеб Петрович уже мог возвращать шею в исходное положение без помощи рук. От частых упражнений шея начинала ныть, но боль не была серьезной и быстро уходила. Прекратились и пугающие щелчки, из чего последовал вывод, что какой-то костный отросток позвоночника то ли отодвинулся от сухожилия, то ли вовсе сточился. Воистину терпение и труд все перетрут!

Теперь уже приходилось следить за собой, чтобы на улице или в магазине ненароком не повернуть голову дальше, чем следует. Обмороки пугливых женщин и гогот жлобов – не то, чего хочет нормальный человек.

Одинокий непьющий пенсионер всегда найдет себе забаву. Не успела прийти весна, как Глеб Петрович перешел к следующему этапу. Он уже пытался повернуть голову дальше, чем на пи радиан, посрашив тем самым Мартина Лаурелло. Темнело в глазах, перехватывало дыхание. Бодрила

мысль, что медицинские эксперименты над собой – самые благородные. Пугало, что кто-нибудь когда-нибудь найдет в его квартире холодный труп со свернутой шеей и высунутым языком. Следаки озадачатся, участковый подтвердит феномен, а что придумает Фуфайко, о том и гадать противно.

Какой смысл в подобных опытах, Глеб Петрович и сам не понимал. Просто было интересно. Говорят, будто старики впадают в детство. Это так и не так: располагая временем, старики лишь пытаются доиграть в то, во что не успели доиграть мальчишками, а люди среднего возраста не делают это просто потому, что им недосуг, да и что о них знакомые скажут? Особенно начальство. А у стариков начальства нет, и в том их счастье.

Влево до упора. И еще усилие. Помочь руками. Нет, дальше не идет... Теперь вправо...

Новый щелчок отозвался столь резкой болью, что брызнули слезы. Сквозь них на мгновение проступило нечто страшное – и тут же исчезло. Глеб Петрович не на шутку испугался. Судорожным движением вернув шею на место, он дышал, как марафонец после забега, ничего не видя и не слыша. Потом принялся осторожно массировать шею. Боль не спешила уходить. Вот тебе! Доигрался! Не-ет, отныне никаких экспериментов! Только конченому идиоту могла забраться в голову мысль превзойти Мартина Лаурелло.

Но ведь превзошел! Никакому Лаурелло не удалось бы повернуть голову на двести градусов, предел того циркача – сто

восемьдесят...

Боль в шее прошла через два дня, и еще неделя понадобилась Глебу Петровичу, чтобы успокоиться. А когда неприятность немного подзабылась, возникла странная мысль: клин клином вышибают. Или, как говорил Конфуций, чтобы выпрямить кривое, надо перегнуть его в другую сторону. Иными словами, попробовать запредельно вывернуть шею уже не вправо, а влево...

Обозвав себя недоумком, Глеб Петрович сердито набросился на эту мысль и стал гнать ее вон. Она не уходила. Металась, уворачивалась, отступала на время, затаивалась и вновь начинала донимать. Ну что ты будешь делать! Оставалось плюнуть и терпеть.

Терпения хватило на месяц. За это время Глеб Петрович выяснил, что из всех нелетающих позвоночных выворачивать голову по-совиному умеют только долгопяты, а что такое долгопят? Мелкая пучеглазая ночная зверушка, уже не лемур, но еще не обезьяна, питается насекомыми и уж точно не курит...

Глеб Петрович не питался насекомыми. Он также не испытывал пристрастия к ловле мышей и мелких пичуг, а если и летал без всяких приспособлений, то только во сне, очень давно, крайне невысоко и уж точно не парил бесшумно в ночном лесу, как сова. Где связь?

Ничего не понятно!

Новый цикл упражнений озадачил и обрадовал. Обрадо-

вал потому, что поворот шеи на сто восемьдесят градусов уже не сопровождался даже малым намеком на боль, а озадачил по причине одной странности. Стоило повернуть голову чуть дальше – и сразу начинало мерещиться что-то отменно нехорошее. Пугающее.

Разобрать, что это такое, было трудно.

И страшно.

Поворот по часовой стрелке или против нее – без разницы. В любом случае Глеб Петрович задыхался от ужаса и спешил прекратить эксперимент. Но проходило небольшое время – и вновь тянуло прикоснуться к жуту.

Мало неприятностей было в жизни?

Не посмотрелся ужастиков?

Похоже на то.

Лишь благополучному обывателю жуть может показаться сладостной. Глеб Петрович таким и был.

К повороту головы на двести семьдесят градусов он шел долго, малыми шажками. Мешала анатомия, не приспособившая шейные мышцы к подобным выкрутасам. Связки, по-видимому, уже растянулись на необходимую длину, а вот мышцы... Поворачивать голову, а потом возвращать ее на место приходилось обеими руками. В припадках сарказма думалось о гаечном ключе, да только никому еще не пришло на ум изобрести ключ для головы. Бездельники эти изобретатели, прокисшие мозги: если нет резьбы, так уже и ключ не нужен, да?

Абстрактная жуть обрела зримость и смысл. Видимый мир размывался и ускользал, проваливаясь в темноту, и сейчас же из черного ничто всплывали новые картины. Неведомое становилось доступным, невидимое превращалось в видимое.

Лучше бы его не видеть!

Еще доворот на долю градуса... Глеб Петрович внезапно узрел себя со стороны – и не сразу узнал. Его взгляд парил над больничной койкой, занятой страшно худым человеком с ввалившимися щеками, лысой головой, туго обтянутой пергаментной кожей, и глазами снулой рыбы. Тощая желтая лапка, похожая на птичью, истыканная по сгибу следами от игл капельниц, бессильно лежала поверх больничного одеяла и куда нагляднее, чем тусклые глаза, давала понять: человек умирает. Он умирает, он сам, а не кто-нибудь иной! Глеб Петрович!

Сердце бешено застучало. Значит, так это будет? Так?

Неизвестно откуда явилась уверенность: да, это будет с ним именно так. Еще не завтра, но и не в какой-то смутной дали. Четыре года – вот сколько ему отпущено. Нет, чуть больше: пожалуй, четыре с половиной. Потом – смерть. От рака. Господи ты боже мой, не от инфаркта и не от инсульта, как пугал Минздрав, – от рака прямой кишки! Унизительно. Мучительно.

Вернув голову в исходное положение, Глеб Петрович с треском рванул на себе воротник и выдавил сквозь зубы

страдальческое «ы-ы-ы». Затем накапал себе валерьянки. Не помогло. Тогда принялся убеждать себя: чепуха, не может это быть правдой, откуда шея может знать, что случится в будущем? Нет у нее такой функции, она не Ванга и не девица Ленорман, она просто шея, штатив для головы...

Значит, глюк? Несомненно.

Мало-помалу пулеметный стук сердца перестал отдаваться во всем теле. Успокоившись, выкурив три сигареты подряд и поразмыслив, Глеб Петрович решил отнестись к дурному видению юмористически. Даже хихикнул через силу. Но все же прошло изрядное время, прежде чем он отважился повторить опыт. Что привидится на сей раз – купание в золоте? А может, семейное счастье, которого никогда не было? Жизненный успех детей? Лепет внуков?

Привиделся тот же самый кошмар: умирающий старик в онкологическом отделении больницы. Даже более того: агония, морг, скудные похороны за государственный счет и судебная тяжба за освободившуюся жилплощадь между двоюродной племянницей, которую Глеб Петрович не видел много лет, и почему-то соседкой. При чем тут кляузная дура Фу-файко? Впрочем, было бы удивительно, если бы в этом деле обошлось без нее...

Поскрипев зубами, Глеб Петрович не стал ждать. Теперь следовало повернуть голову в другую сторону на тот же самый угол. Если привидится что-нибудь другое или вообще ничего не привидится – плюнуть и забыть. Но если выйдет

то же самое, это что-то значит...

Потому что всем известно: один раз – случайность, два – совпадение, но три – уже закономерность.

Закономерность восторжествовала. То же самое! С одним лишь дополнением: по результатам квартирной тяжбы Фу-файке ничего не достанется, кроме новой персоны для сочинения на нее кляуз...

Слабое утешение!

Ни к селу ни к городу вспомнились совы и долгопяты. Так вот почему у них огромные глаза – от ужаса! Началось это у них со стригицефалии, с дефекта, по сути, а всякая там адаптация к ночному образу жизни, наверное, вторична. Плевать, что совы не курят, – ведь любую болезнь из числа тех, что перечислены на сигаретных пачках, можно приобрести и без курения!

Знакомая кассирша в ближайшем магазине сильно удивилась, когда непьющий Глеб Петрович приобрел бутылку дешевого коньяка. Сначала он подливал коньяк в чай, затем решил, что чай не нужен.

Назавтра зашел лейтенант.

– Это вы всю ночь мучили собаку?

Глеб Петрович пожал плечами, о чем тотчас пожалел: движение отдалось тупой болью в и без того разламывающейся голове.

– У меня и собаки-то нет, – выдавил он, морщась.

– Ну, может, дворовую псину поймали, – предположил

участковый, обшаривая профессиональным взглядом кухню. Не обнаружив кровавых пятен и клочьев шерсти, он узрел бутылку из-под коньяка. — Хм, а вот это вы зря...

— Знаю.

Он знал и то, кто накатал жалобу. Однако немного ошибся.

— Ваши соседи показывают, что ночью слышали собачий вой. По-видимому, из вашей квартиры.

Следовательно, не только Фуфайко... Беда в том, что Глеб Петрович ничего не понимал. Не было никакой собаки. Что было — не вспомнить, но псины точно не было.

Кажется, он отключился ближе к ночи... или уже ночью? Правильнее сказать, отключился мозг, а лишенное контроля тело, возможно, совершало какие-то действия. Неужели... было?

— Соседям почудилось. Садист я разве? Чаю хотите?

Лейтенант ушел, а Глеб Петрович немедленно выбросил пустую бутылку в мусоропровод. Вот ведь дрянь... Неужели это он выл ночью? Только какая такая собака? Волк! Серый хищник, угодивший лапой в капкан. Тоскливый волчий вой — вот что могли произвести лишенные управления голосовые связки после всего увиденного...

Нет, все-таки то был простой глюк! Проверить! Немедленно проверить! Наплевать на больную голову. Так даже лучше: вряд ли похмельный увидит то же самое, что здоровый...

Надежды рассыпались в прах, чуть только голова повернулась на страшный угол. Опять умирающий старик! Господи, ну за что?!

Отчаянным рывком Глеб Петрович провернул голову дальше. Он сам не понимал, чего хочет: то ли просто перестать видеть страшное, то ли добиться того же, свернув наконец себе шею. От резкой боли перехватило дыхание, почернело в глазах. И в этой черноте медленно, как изображение на фотобумаге, начало проступать будущее.

Не личное будущее Глеба Петровича, совсем нет. Кто он такой в масштабах мироздания? Пылинка, человеческая монада, вдобавок порядком изношенная, не стоящая внимания, тьфу на нее. Проступило в нескольких картинках будущее страны.

Не сказать, что оно оказалось плохим в обозримой перспективе. В общем-то сносным. Но потом, потом... Нет, только не это!

Балансируя на краю мрачной бездны, Глеб Петрович все же нашел в себе решимость сделать шаг не вперед, а назад. Как только голова вернулась в исходное положение, он вновь обрел способность дышать, но еще долго сидел на полу с дико выпученными глазами и разинутым ртом. Как и когда сполз с табурета на пол – не заметил, да и не важно это! Неужели... такое будущее ждет всех нас, кто доживет?

Быть того не может! Привиделся кошмар, ну так что же? Шутки сознания или, может, подсознания, плевать чьи. Сей-

час повторим и убедимся!

Нетерпение было столь велико, что в промежутке между опытами Глеб Петрович испепелил всего лишь одну сигарету, да и ту наскоро. Картину с умирающим стариком он миновал со всей возможной угловой скоростью и, не обращая внимания на боль, повернул голову до будущего страны в отчаянной надежде увидеть нечто иное, не столь пугающее...

Надежда рухнула вся сразу, как аккуратно заминированный расчетливыми подрывниками дом, предназначенный на снос. Даже быстрее.

Глеб Петрович издал писк, тотчас заглохший в перекрученном горле. Ничего не соображая, спеша лишь убежать от кошмара, он двинул голову руками – увы, не в ту сторону.

Слабый, но грозный хруст... Вспышка боли... И новая картина открылась внутреннему зрению: стремительно летящий к Земле астероид. Даже хуже, чем астероид: истекающее мутным газом сорокакилометровое ядро кометы, невесть за чем явившееся из облака Оорта, нацелилось ударить Землю не вдогон, как сделал бы порядочный астероид, а на встречных курсах. Глеб Петрович наблюдал неудачную попытку перехвата. Она привела лишь к отклонению траектории космического снаряда на какую-то тысячу километров.

Потом – чудовищный удар. И неисчислимые последствия удара. И всего-то полтора миллиарда людей, уцелевших после многолетней войны всех со всеми за право выжить той стране, а не этой, за место в убежище, за кусок пищи, за кро-

хи тех благ, которые еще недавно казались такими естественными... полтора миллиарда из восьми... эти полтора миллиарда, отсидевшись в укрытиях, начнут заново если не все, то очень многое, и точно так же будут разобщены, и новый виток истории окажется очень близок к старому...

В другое время Глеб Петрович порадовался бы тому, что не имеет детей, а значит, у него не будет ни внуков, ни правнуков, которым придется увидеть то, что он видит сейчас. Но время не позволяло, и с яростной обреченностью он крутанул голову дальше.

Какие там двести семьдесят градусов! Лишь сторонний наблюдатель мог бы сказать, на какой приблизительно угол повернулась голова сумасшедшего пенсионера. Может, и не на полный оборот, но близко к тому. Но неоткуда было взяться стороннему наблюдателю, а если и был бы, то кто ему поверит? Люди не узнают, что их ждет, и в том их счастье.

Новый угол поворота принес новое знание. Картинка вышла смазанная и какая-то невразумительная, можно было лишь догадаться, что изображена часть Галактики с фрагментом спирального рукава, кляксами светлых и темных туманностей, слабыми искорками ярчайших звезд, и все это астрономическое хозяйство было густо опутано некими белесыми нитями, не то силовыми линиями неведомых полей, не то искусственными непонятными связями. И скорее второе: в хитросплетении нитей угадывалось нечто рукотворное, хотя и нечеловеческое.

На сей раз ужас не набросился и не схватил – то ли потому, что Глеб Петрович устал пугаться, то ли оттого, что где мы, а где Галактика? Да, мы обитаем в ней, с этим никто не спорит, однако устрицу вовсе не интересуют размеры океана и наличие в нем китов. У нее совсем другие заботы.

Доворот головы на долю градуса – и картинка стала яснее. Как будто пальцы чуть повернули резьбу окуляра, добиваясь резкости изображения. Теперь стало видно, что в каждом узле, куда сбегались нити, сидит некое высшее существо, ни капельки не похожее на человека, настолько совершеннее его, насколько человек совершеннее мокрицы, существо мудрое, деловитое и абсолютно безжалостное по человеческим понятиям. Существо, добросовестно выполняющее свою работу, и только.

Привлекла внимание одна из нитей. Она тянулась к ключковатому отростку спирального рукава, к третьей планете невзрачного желтого светила. Внезапно само собой прибавилось увеличение, и стало видно, что нить дрожит и пульсирует. Значит, что-то не в порядке, догадался Глеб Петрович. А что? Ага, высшее существо, отвечающее за земную цивилизацию, слегка зависло в процессе принятия решения: что делать с человечеством – безболезненно уничтожить за агрессивность и неразумие, как были до него обнулены многие дефектные цивилизации, или предоставить людям унаследовать себя самостоятельно?

Глеб Петрович скрипнул зубами, а пугаться не стал. Эка

невидаль – жизнь на вулкане! Давно так живем, привыкли. Удивляла лишь реальность картинки и абсолютная уверенность: это не мираж, не дурная галлюцинация, а просто голый факт. Вот и живи с ним как хочешь.

Ясновидец с перекрученной шеей – ну не смешно ли?

Смеяться не хотелось. Плакать, впрочем, тоже. Не слишком интересовала и сама сущность феномена – пусть нейробиологи, если им охота, ломают головы над тем, как такое вообще возможно и какие еще сюрпризы и резервы таит в себе нервная система человека. Но как не попытаться хотя бы на старости лет понять, в каком на самом деле мире ты живешь?

Новый – уже совсем маленький, но до последнего предела – доворот дался через страшное «не могу», через хруст, боль и слезы. Быть может, вскрыв квартиру через несколько дней, участковый обнаружит в ней протухший труп сумасшедшего старика, самоубившегося диковинным способом, пусть этот способ посмешит циников и войдет в курьезы судебной медицины – наплевать. Не на такие еще риски шли отважные натуралисты в поисках знания!

Сразу куда-то пропало высшее существо, решающее судьбу Земли, исчез кусок Галактики со спиральным рукавом, а сама Галактика съежилась в туманное пятнышко, затем превратилась в малоприметную точку и затерялась среди великого множества ей подобных. Глеб Петрович увидел Вселенную – раздувающийся неведомо зачем пузырь, где галактик

не меньше, чем микробов в океане, сложную, но на диво стройную новую систему связей и верховного координатора Вселенной, по сравнению с могуществом которого давешнее высшее существо тоже не более чем микроб...

А потом (должно быть, Глеб Петрович умудрился с серьезным риском для жизни повернуть голову еще на одну угловую секунду) пузырь Вселенной съёжился до размеров апельсина, и тогда внутреннему взору открылось великое множество подобных пузырей, свободно парящих в совсем ином пространстве, если только его вообще можно было назвать пространством. Одни пузыри росли, другие сжимались, третьи медленно пульсировали. Пролетел странный пузырь в виде бублика. Некоторые особенно невезучие пузыри-вселенные сталкивались и, едва соприкоснувшись, беззвучно лопались, обращаясь в ничто. А некоторым кто-то помогал лопнуть.

– Бу-бу-бу... – издавало звуки непонятное существо. – Бу-у. Ы-ы... Гу-гу.

Бесформенное, невообразимо громадное, намного превышающее размерами самый крупный пузырь, схожее повадками с младенцем, едва-едва научившимся сидеть, оно то и дело неловко тянулось отростком к тому или иному пузырю, касалось его – и пузырь лопался. Малыша это забавляло.

– Угу-гу, – тянул он. – Бу-бу-у... Га. Бу-бу...

Пузырь нашей Вселенной медленно дрейфовал, счастливо избегая столкновений с другими пузырями, но дрейфовал в

сторону страшного младенца и уже, пожалуй, находился в пределах его досягаемости.

Глеба Петровича уже ничто не могло испугать. Да и ясно же: тут жутко ускоренный масштаб. Когда чудовищное дитя из той сверхвселенной дотянется до нашего пузыря? Через миллиард лет?

По правде сказать, личные перспективы тревожили Глеба Петровича гораздо сильнее. О чем он и поведал мне, несколько конфузясь.

* * *

– Не беспокойтесь, – сказал я, – вы уже сообщили мне все, что я хотел знать. Однако долг платежом красен. Сколько, вы говорите, вам осталось жить? Четыре года?

– С половиной.

– Вы проживете еще минимум тридцать лет, – щедро пообещал я, – причем не заведете знакомство ни с Паркинсоном, ни с Альцгеймером. Более того, вас уже никогда не будет беспокоить стригицефалия. Вы о ней даже не вспомните. Вы и меня забудете, потому что незачем вам обо мне помнить. Через минуту объявят регистрацию на ваш рейс, и вы улетите. Полет будет проходить спокойно, грозовой фронт рассеялся. За его создание я прошу у вас прощения. Приятного отдыха.

Он дико посмотрел на меня и молча пересел на другое си-

денье. Я улыбнулся, встал и пошел прочь, не считая возможным просто исчезнуть на глазах людей. Выходя на вольный воздух, я услышал объявление о посадке на рейс до Минвод. Надеюсь, его слышал и Глеб Петрович, потому что в эту самую минуту я производил обещанные вмешательства в его внутренние органы и память, а такие вмешательства при всей их благотворности оглушают не хуже удара дубиной по макушке. Впрочем, это обычно не длится более одной-двух минут. Ничего с ним не сделается, подумал я, и улетит он, и будет вдыхать на курорте свежий воздух, и пить нарзан, и принимать минеральные ванны, в которых ему уже нет никакой надобности, и всячески радоваться жизни, а курить станет меньше. Я отблагодарил его – за эту привычку меня то и дело ругает начальство, – и больше он не был мне интересен. Отработанный материал.

Но каков! Не в каждом поколении и даже не в каждом столетии на Земле рождается хотя бы один индивид, способный посрамить Мартина Лаурелло. Да если бы только в этом было дело! Непосредственная, пусть и кривая связь с такими сферами, о которых ни я, простой служащий, ни мое непосредственное начальство, ни контролер этой довольно большой, но в целом заурядной галактики, ни даже Его Совершенство Главный инженер Вселенной – никто из нас не имеет точных сведений. То, что эти сферы существуют, вполне очевидно, но мы пока не можем пробиться туда, куда сумел заглянуть Глеб Петрович. Настоящий самородок! Мне

пришлось лишь немного подыграть ему, выдумав дурацкую стригицефалию, – все остальное он сделал сам. Все-таки люди – необычная раса. Очень молодая, очень несовершенная, но как раз эта несовершенство приводит к большому разбросу биологических параметров каждого отдельного индивида и внезапному появлению феноменальных особей. Не то что старые благополучные расы, как будто подстриженные под одну гребенку. Курировать их куда проще, но и чудес от них не жди.

Не такая уж и скучная у меня работа.

Теперь я думал над отчетом. Если я что-нибудь понимаю, отчет выйдет не рядовым, очень даже не рядовым! Собственно, будет странно, если он не дойдет до самых верхов и с ним не ознакомится сам Его Совершенство. Мы ведь знаем, что есть кто-то и над нами, хотя наше понимание данного вопроса больше похоже на ряд догадок.

И вот – новая информация, проливающая некоторый свет. Ничего не стоит выяснить, прав ли Глеб Петрович в том, что он увидел не галлюцинацию, а истину. Я уже выяснил это: прав. Но пусть проверяют, я не против, я понимаю: вопрос важнейший.

Одно ясно уже сейчас: нельзя спешить с уничтожением цивилизации, способной порождать таких уникалов. Возможно, ее, непутевую, даже следует обезопасить от шальных случайностей вроде столкновения с кометным ядром – решать, конечно, не мне, но свое мнение по данному вопросу

я выражу в отчете непременно.

А я-то собирался просить о переводе в другую часть Галактики! Ну уж нет, теперь ни за что! Если меня повысят, возражать, естественно, не стану, но попрошу, чтобы меня оставили в этом секторе. Здесь интересно.

2021

Сергей Волков

Парень с Нижнего яруса

Если сощурить глаза и забыть про скафандр, то можно было вообразить, что Брем сидит в сугробе где-то в земном Заполярье – наверху голубое небо, солнце склонилось к горизонту и заливает снег вокруг вечерним оранжево-багряным светом. Недолго, всего полгода, Брем работал на углеводородной шельфовой добывающей станции «Ямал-12». Арктику напоминали большинство дальних планет и спутников Окраины – здесь все было честно. Холод, снег, лед, пустота...

У Брема зачесался нос. Он машинально поднял руку, но вспомнил про скафандр, тихо чертыхнулся и перестал щуриться. Мгновенно исчезло все – и солнце, и голубое небо, и закат. Снег, правда, никуда не делся, лежал вокруг рыхлыми сугробами. Нормальный такой оранжевый метановый снег. Здесь, на Тритоне, его хоть завались.

На Земле метан – это газ, равно как и азот, и аммиак, и окись углерода. Здесь все эти вещества находятся в твердом состоянии, и если из глубин Тритона вдруг прорывается жидкий азот, он очень быстро превращается в иней и азотный лед странного коричневатого-серого цвета.

Брем посмотрел на нарукавный дисплей – внешний тер-

модатчик скафандра показывал минус четыреста пятьдесят один градуса. По Фаренгейту, разумеется. Брем быстренько посчитал в уме – получилось минус двести шестьдесят восемь и три в периоде градусов Цельсия. Когда Нептун отвалит, на Первой террасе станет теплее градусов на тридцать, а если подойдет Протеус, то еще теплее, до двухсот десяти примерно. Ну а если соберутся в ряд скиталица Нереида и вся спутниковая мелочь, общее приливное воздействие может повысить температуру на поверхности Тритона до ста девяносто градусов.

Практически курорт.

Брем усмехнулся – какой ерундой я занимаюсь? А с другой стороны, что еще делать? Работать работу? Ну, так она не волк, в лес... Хм, хм... в скалы и льды, так скажем, не убежит. Нет, можно, конечно, подрожать, нагнать жутиков, чтобы немного взбодриться, – энергопатроны там проверить, запас воды, световые панели. Выход из строя любого элемента системы жизнеобеспечения был гарантированной смертью, но за несколько лет, проведенных Бремом «на выселках» Солнечной системы, он настолько свыкся с мыслью, что ничего страшного с ним случиться не может, что поленился даже думать в этом направлении.

Конечно, совсем расслабляться не стоило, но Брем еще на базе все проверил за Кларом – и энергопатроны, и гидрокапсулы, и все прочее. Уверенность вселяли коллеги – скраперы все как один были фаталистами и со смехом объясняли свою

жизненную философию короткой фразой:

– Леди-в-разбитом-скафандре не обманешь.

Историй про Леди-в-разбитом-скафандре Брем слышал множество. В одних она представляла неким добрым ангелом космоса, являвшимся из бездны, чтобы спасти отчаявшихся людей на борту какого-нибудь гибнущего транспортника, в других – безжалостным демоном, карающей дланью судьбы, наказывающей без разбора и правых, и виноватых. Белый Эгг, кладовщик и механик группы Базиля, как-то за шотом «зеленой» объяснил Брему, только что нанявшемуся в скраперы:

– Ты, ярусник, главное запомни: будешь много думать о смерти – она быстро явится на запах твоих мыслей. И вообще... много думать вредно. Понял?

Брем тогда кивнул и залихватски опрокинул в себя стальной цилиндрик, полный первоклассной «зеленой», хлореллового дистиллята, изготовленного Белым Эггом.

Семьдесят пять градусов, тонкое послевкусие жженого пластика...

Брем перевел взгляд на голубую стену Нептуна, изображавшую земное зимнее небо и занявшую собой все пространство наверху, подавил острое желание сплунуть – скафандр, мать его! – поднялся и пошел в сторону орбитальной капсулы, проверить радиоцентр. Там он в сотый раз удостоверился, что да, «глушняк», причем плотный такой, суток на трое, не меньше.

А это прежде всего значило, что три ближайших дня Брем проведет тут, на Тритоне, где-то в западной части Первой террасы, неподалеку от «местности Дынной корки». Ему как новичку отвели участок для поиска на самом краю выкупленной скраперами зоны, и, естественно, металла тут было – кот наплакал. За те полдня, что прошли после высадки, Брем обнаружил с десяток бериллиевых осколков от рентгеновских бомб-засветок общим весом под триста граммов и антенну от «каэски», портативного комплекса слежения, причем антенну старого образца, с пластиковыми вставками и, следовательно, легкую. Суммарно все это пока не окупало даже топлива, потраченного на высадку.

Брем надеялся сегодня ближе к концу суток перелететь на центральный участок Первой террасы. Там в годы Первой корпоративной войны был ОП, опорный пункт наемников «Элементик индастриал», именуемый «Чарли-3», многоэтажная крепость, уходящая вниз до скального основания Тритона. Повоевать «Чарли-3» не пришлось, и все его радарные станции, комплексы слежения, ракетные установки и протонные пушки напрасно прощупывали окрестности орбиты Тритона. Незадолго до капитуляции «Элементик индастриал» персонал «Чарли» эвакуировали, а комплекс зданий взорвали ядерной торпедой. Образовалась гигантская, километра полтора в диаметре, воронка, заваленная камнями, глыбами аммиачного льда, искореженным металлом и всякой технологической дрянью. Брем рассчитывал славно

пожизниться на руинах «Чарли-3», но неожиданно-негаданно с небес свалился «глушняк», связь отказала, а без связи нет навигации и, следовательно, перелет невозможен.

Точка.

– Сука! – с чувством сказал Брем неизвестно кому, глядя в голубую рожу Нептуна.

Нужно было работать. Подниматься, двигаться, идти, катить за собой похожую на каркас от огромного аквариума антенну металлодетектора, называемую попросту «рама», пылиться в приспособленный сбоку экран, отслеживая засветку, и при этом еще следить за местностью, поглядывать под ноги, чтобы не провалиться в трещину, и думать о скором обеде.

В общем, все как всегда. Рутинка. Ну и бонусом к ней – сломавшийся климат-контроль скафандра. Теперь, когда Брем начинал «закипать», приходилось останавливаться, доставать из ранца пульт и вручную включать охлаждение. Не то чтобы процедура была долгой или сложной, но...

– Но не везет, – вслух сказал Брем.

Он вообще любил разговаривать сам с собой. И хотя в группе Базиля, да и вообще у всех скраперов во время поиска за любое засорение эфира полагался штраф, сейчас можно было не опасаться – «глушняк» надежно забил все частоты «белым шумом».

– И пошло оно все в задницу! – с чувством произнес Брем, берясь за скобу «рамы». – Поехали, родная. Сделаем этот мир чище.

Снег закрипел под колесами «рамы» и ногами Брема, словно он шел по попкорну, близкий горизонт, вогнутый, как чаша, закачался перед глазами.

– Тысяча шагов и перекур, – пробормотал Брем. – Идем вон на тот пупырь...

Пупырь, а точнее, торос, состоящий из азотного льда, косо торчал из сугробов и напоминал указующий перст какого-то гиганта, полностью засыпанного снегом. Брем вспомнил, что в скандинавской мифологии были йотуны, называемые еще инистыми великанами.

– И жили они в Нифельхейме, царстве вечных льдов... – напомнил себе Брем, поглядывая на экран. – И находился тот Нифельхейм к северу от бездны Гиннунгагап, и существовал за многие века до сотворения земли. В середине его есть поток, что зовется Вергельмир, и вытекают из него реки: Свель, Гуннтра, Фьерм, Фимбультуль, Слип и Хрид, Сюльг и Ульг, Вид, Лейфт. А река Гьелль течет у самых врат Хель... Великий Космос и все демоны Оорта, вот на хрена я это все помню?

Он прошел шагов пятнадцать, заметил пару засветок, но даже не стал останавливаться – судя по тускло-зеленоватой окраске пятен, это были мелкие осколки с ноготь величиной, ушедшие в лед на полуметровую глубину. Выковыривать их оттуда означало тратить время и силы.

– Ко всем стэлменским мадоннам это дерьмо! – бормотал Брем, налегая на скобу «рамы». – Мне нужна болванка. А

лучше две. Или три. Хотя три я замудохаюсь тащить... Но это будет плюс пятьдесят, «пенка». А если болванка с начинкой, то можно взять и плюс семьдесят...

Брем любил считать прибыль. Эти расчеты успокаивали его и грели душу. Если уж ты родился на Нижних ярусах города, известного в прошлом как Большое Яблоко, и у тебя не было ни малейшего шанса получить образование, чтобы стать менеджером, инженером или пойти в силовые структуры, – учись считать и запоминать. Математика и хорошая память еще никого не подвели. Ни одного человека. И когда твой босс при оценке хабара насчитает тебе к базе тридцать два процента «пенки», а ты скажешь: «Извините, сэр, но тут произошло недопонимание. Моя доля – плюс сорок восемь, потому что вот, вот и вот», и увидишь, как вытянется и побелеет лицо у этого гладкого ублюдка – тогда ты в полной мере оценишь фразу, сказанную кем-то из древних: «Математика – царица наук».

– Или полей? – буркнул Брем и скривился, как от зубной боли.

Скривился потому, что на самом деле его отличная память и умение считать в уме, складывать и умножать четырехзначные цифры, вычислять проценты от сложных дробей и прочее не столько помогали, сколько мешали.

Брем уже три года работал скрапером, побывал на двух десятках астероидов и спутников «больших парней», но нигде подолгу не задерживался и в итоге оказался у «папы Ба-

зия» вот тут, на Тритоне. На выселках Солсиса. А все из-за «царицы наук».

– Просто никто не любит, – сказал Брем, – когда кто-то умнее тебя. А особенно если этот кто-то – гребаный ярусник.

На экране «рамы», закрепленном над скобой, коротко полыхнуло алым. Брем остановился, внимательно разглядывая разноцветные пятна. Желтая засветка фона, коричневые овалы скальных выходов на глубине, розовая «морковка» азотного интрузива – видимо, тут прорывался к поверхности криовулкан, да так и не прорвался, навечно застыв в толще метанового льда.

И чуть в стороне от «морковки», на границе с бордовым массивом замерзшей воды, тихонько пульсировало кроваво-красное пятнышко. До него было буквально три десятка шагов в сторону.

Брем посмотрел на голубую стену Нептуна, медленно ползущую над ним, и усмехнулся.

– А вот это уже интересно, – сказал он и полез в грузовой отсек «рамы» – за вибробуром.

* * *

Откалывать плоской насадкой вибробура куски льда – работа легкая. Синеватый титан насадки легко входит в слоистую массу замерзшего метана и дробит его на длинные, похожие на коричневые щепки куски. С азотным льдом мо-

роки несколько больше, он крошится на мелкие кубики, но сложнее всего с углекислотой – насадка вибробура там легко уходит в ледяной массив, но отколоть ничего не получится, углекислота не колетса в принципе, и ее нужно ковырять банальной лопатой, а в скафандре это делать, мягко говоря, затруднительно.

В этот раз Брему повезло – под ним был обычный метан, и он ворочал блестящий цилиндр вибробура, откалывая лед кусок за куском. В наушниках в такт урчанию ротора звучала свежая песенка «Спайс-киттен»:

Ни хао, май бэы, ни хао!

Ай сей ю май дарлинг: «Вань ань!»

Туморро ай куэшенн: «Шанг хао!»

Ин найт сей, май ханни: «И лун хин ань!»

Вибробур подал сигнал – плотность материи под насадкой изменилась. Это означало, что объект оказался гораздо ближе к поверхности, чем рассчитывал Брем.

– Вот и славно, – сказал он, отложил вибробур и, опустившись на колени, принялся выгребать из ямы ледяные осколки и горстями отбрасывать их в сторону.

* * *

Вычистив яму от кусков льда, Брем включил налобник и

внимательно взгляделся в мерцающую ледяную толщу. Метановый лед даже в очень сильно разреженной атмосфере Тритона начинал интенсивно испаряться, и поэтому его верхний слой был всегда похож на губку, а вот чем глубже, тем прозрачнее и чище он становился.

Брем наклонился совсем низко над ямой, едва не прижавшись визором скафандра ко льду, — он никак не мог понять, что за боеприпас нашел. Атрибутирование находок было важной частью работы скрапера, далеко не все «боевое железо» Первой корпоративной имело функцию дистанционной деактивации, и частенько приходилось, аккуратно обколов снаряд или бомбу, долго возиться с нею, снимая взрыватель или сажая на ноль встроенную батарею, чтобы разрядить электродетонаторы.

— Это «оэска», что ли? — разглядывая через толщу льда темный продолговатый предмет, бормотал Брем. — А почему тогда перьев хвостовика не видно? Он что, носом кверху лежит? Так не бывает... Или это «зэшка»? Тогда почему такая короткая?

«Оэсками» скраперы называли орбитальные снаряды ОС-2М, их использовали штурмовики для зачистки поверхности небольших планет, спутников и астероидов. Главной отличительной особенностью ОС-2М было активное оперение, четыре треугольных стабилизатора с миниатюрными реактивными двигателями по краям. Они срабатывали после выстрела и закручивали снаряд, удерживая его от отклонения

при заходе на цель.

Совсем иное дело «зэшка», ракета Z-СН производства Восточноазиатского союза. Трехметровая труба, начиненная компонентами, образующими после разрушения корпуса боевой части ракеты коллоидную систему вещества, заполняющую в любой среде объем сферы диаметром в пятнадцать-семнадцать метров. Находящийся в хвостовой части детонатор подрывал это фиолетово-лиловое облако, и следовал взрыв, уничтожавший все живое и разрушающий все неживое. «Зэшки» обычно использовались против живой силы и техники противника на поверхности планетоидов и выпускались с борта орбитальных платформ так называемыми пакетами, по тринадцать штук разом, накрывая большие площади.

И «оэска», и «зэшка» были желанной добычей для любого скрапера, стоили они пусть и немного, но были легки в подъеме, разрядении и транспортировке.

– Нечего думать, расширяться надо, – сказал Брем и взялся за отбойник. План его был прост – не мучиться с атрибуцией, а попросту достать находку. Для этого требовалось увеличить яму, чем он и занялся, включив погромче музыку в наушниках.

Следующие полчаса прошли у Брема под знаком тяжелого физического труда. Он дважды «закипал» и останавливался, чтобы включить кондиционер, а еще ужасно хотелось пить, но в его скафандре обе трубки питьевой системы были от-

резаны и наглухо заварены предыдущим владельцем, неким Торрешем, скрапером от бога, но двинутым на всю голову выходцем из Гран-Рио. Торреш помимо прочего считал, что мочепринимающая система и питьевая система скафандра связаны между собой напрямую, и обезопасил себя от «уринотерапии», как он это называл.

Этот тощий «цветняк» окончательно сошел с ума на третий день после прибытия Брема на базу группы Базиля. Он стал видеть стэлменов, проходящих сквозь стены, демонов Оорта, жрущих камни, и Леди-в-разбитом-скафандре, предлагавшую ему заняться любовью в шлюзовой камере.

По приказу Базиля Торреша вырубili, упаковали в криоконтейнер и отправили с попутным беспилотником на Ганимед, в госпиталь Окси-сити, а его скафандр, не старый еще планетник «Квант», достался Брему.

– А ведь пить не придется, пока «глушняк» не закончится, – сказал Брем. – Проклятье, как же я не люблю уколы...

* * *

Отколов приличный кусок льда, претендующий на то, чтобы зваться красивым словом «глыба», Брем отложил вибробур и начал очищать раскоп. Он здорово устал и работал теперь как хумас – не очень быстро, но основательно. Мерные, четкие движения: нагнулся, взял осколок льда, выкинул из ямы и снова – нагнулся, взял, выкинул. И опять.

И так множество раз.

Дыхание постепенно становилось все тяжелее и тяжелее, сердце гулко застучало в ушах, лоб щипало от пота. Нужно было останавливаться, включать кондиционер, отдыхать, но яма почти очистилась, и Брем уже видел серый бок «зэшки», просвечивающий через мутноватый лед. Судя по размерам, ничем иным, кроме «зэшки», находка Брема быть не могла, и он не останавливался, продолжая выкидывать лед, – и сдерживал довольную улыбку, улыбку победителя, сорвавшего в казино пусть не самый главный, но джекпот.

Музыка в наушниках умолкла, закончился трек-лист.

– Нужно было поставить на реверс, – прохрипел Брем, выпрямился и оперся рукой на зазубренный край раскопа. Он углубился в ледяное тело Первой ступени почти на два метра и скрылся в яме с головой. Пора было начинать скалывать лед вокруг ракеты, освобождая ее из многолетнего плена.

– Пять минут перекур, – сказал Брем, сел на дно ямы и включил кондиционер. Тихо зашипели клапаны на плечах, стравливая излишек давления и водяного пара, – над головой Брема возникло, но тут же рассеялось легкое облачко.

– А ведь три-четыре такие «зэшки»... – пробормотал Брем, но не стал вслух продолжать мысль, чтобы не спугнуть удачу, девку, по мнению скраперов, капризную и вздорную, но в то же время щедрую и слабую на... на все.

Как обычно, Брем рассуждал вслух, разглядывая то темное тело ракеты во льду, то налившийся густой синевой край

Нептуна, уползающий за зубчатую стену ледяных утесов:

– Первым делом нужно отрубить голову наведения. Хорошо бы, чтоб лючок доступа к потрохам оказался с этой стороны, – работы меньше. Потом снимаем блок самоподрыва... Что там еще? Второй взрыватель – это если ранняя модель, с шестью винтами крепления головки. Ну и все, можно отвинчивать верхнюю часть и вызывать «жука». Хотя «глушняк» же... Значит, просто ставим маячок и идем дальше...

Брем все же не выдержал – улыбнулся, а потом даже рассмехался в голос. Он представил, как возвращается на базу, как после душа выходит в общий зал и как парни начинают шутить, хлопать его по плечам, беззлобно подкалывать, а кое-кто типа Спенсера или того мутного типа из Австралии, Брем все время забывал его имя, бросит и пару завистливых взглядов. Но ничего, это нормально. Пока ты новичок, на тебя смотрят сверху вниз. Но стоит тебе как-то проявить себя, отметиться удачной находкой или помочь товарищу в трудный момент – и все, ты уже свой, ты в стае. И тебе уже кто-то завидует, а завистник – Брем знал это наверняка – всегда смотрит снизу вверх.

– Закончили отдых, пора заняться делом! – скомандовал Брем, легко поднялся, выпрямился, прикинул, откуда лучше начать – по всему выходило, что справа от корпуса ракеты, – и взялся за вибробур.

– И куплю после вахты в Оксисити у мамыши Дженнифер самую красивую шлюху. Не хумаситу, а человеческую. Ту,

рыжую, в кружевном белье, – пробормотал Брем и вонзил жало вибробура в лед.

То ли он не рассчитал угол, то ли так сложилась система трещин, но вместо небольшого куска вся ледяная стена, скрывавшая в своих недрах «зэшку», вдруг покрылась сеткой разломов, странно выпятила из себя ледяной «живот» и вдруг рассыпалась на куски, едва не сбив Брема с ног и завалив его чуть ли не по пояс.

– Мать твою, сука, что ты делаешь?! – заорал Брем неизвестно кому, с трудом сохранив равновесие. Чтобы не упасть, он вынужден был согнуться и уперся левой рукой в лед, продолжая правой сжимать работающий вибробур.

Когда Брем отключил его и выпрямился, он увидел перед собой образовавшуюся в результате обвала в ледяной стене нишу, а в ней – матово светящийся серый бок ракеты Z-CH с темными углублениями по всему корпусу...

Только вот это была никакая не «зэшка». И вообще не ракета.

– Что за на хрен, чувак? – пробормотал Брем, высвободил ноги и подошел ближе. – Ты что еще такое?

Он некоторое время, включив налобник, рассматривал странную находку, отметив, что она примерно вдвое толще «зэшки» и, судя по всему, настолько же длиннее. Конечно, в Первой корпоративной использовалось множество всякого оружия и техники, но то, что нашел Брем, не походило ни на что из того, о чем он знал.

– Вот так подарочек... Это не протонная торпеда, – шептал Брем, изучая поверхность «подарочка». – Она черная и толще. Не «Лепесток», у него грани и гравитационные «уши». Не орбитальный снаряд, он меньше. Не «Магнус», он красный и тоже не такой толстый. Может, «Фернир»?

Ракету класса «космос – космос» «Фернир» с термоядерным зарядом журналисты пафосно именовали «убийцей астероидов», хотя на самом деле ей было не под силу уничтожить даже крупную комету.

– Но «Фернир» здоровенный, – Брем вздохнул. – Он больше этой штуки. И не с таким странным покрытием... Покрытие... Как будто шкура ганимедского «кита»... Ладно, попробуем посмотреть, что у тебя наверху...

Он поднял вибробур, примерился, как ему ловчее будет освободить ото льда верхнюю часть «этой штуки», как называл теперь про себя Брем находку, и в тот момент, когда жало вибробура вошло в лед, случилось сразу несколько событий, которые раз и навсегда изменили жизнь парня с Нижнего яруса Большого Нью-Йорка Николая Бремова по кличке Брем, разделив ее на «до» и «после».

Приличный пласт льда, скрывающий верхнюю часть «этой штуки», отвалился, со стен ямы посыпались куски льда. Брем отгреб их ногой и увидел срезанную под конус головную часть находки, украшенную непонятными выступами. Конус расширялся, уходя вниз, и было件нятно, что он – лишь самая вершинка чего-то очень большого.

Чего-то совсем большого. Даже огромного.

Это не походило ни на один известный Брему боеприпас. Но и на космический объект – боевой корабль или гражданское судно – не походило тоже. Шершавое серое покрытие, выступы...

Брем присел, вглядываясь в находку. Ему показалось, что между бугорками видны буквы и цифры маркировки. Он нагнулся и начал расчищать ледяное крошево, чтобы прочесть надпись. Внезапно колпачки на выступах с легкими хлопками отлетели в стороны, по глазам Брема полоснули рубиновые вспышки сканеров, и головной конус «этой штуки» прямо у него под ногами прорезали вертикальные линии. Еще миг – и треугольные пластины разлетелись в стороны, отбросив Брема к стенке ямы, а наружу выметнулись, вздымая тучи бордовой снежной пыли, черные гибкие металлические усы.

Они словно бы росли из недр «этой штуки», как побеги бамбука растут из земли, только не со скоростью тридцать сантиметров в сутки, а со скоростью поезда на электромагнитной подушке. Усы мгновенно унеслись вверх, но не остановились на этом, а все росли и росли, чуть поблескивая чешуйчатой поверхностью и уносясь куда-то в зеленоватую мглу. Прошло не меньше минуты, прежде чем рост усов прекратился. Они вдруг замерли, едва заметно вибрируя.

И Брем, лежа в яме у их подножия, наполовину засыпанный снегом и ледяными осколками, узнал наконец «эту шту-

ку»...

Дыхание перехватило, сердце дало сбой, а потом забилось мелко и часто. В ногах образовалась противная слабость, руки сделались влажными. Он словно бы вернулся в семилетний возраст, когда компания Желтого Пита, грозы всех малолеток на их ярусе, подловила его у блока утилизаторов, и сам Пит, высокий парнишка с обезображенным вирусом Нанду лицом, испещренным желтыми пятнами, наклонился над Бремом и, нарочито противно сюсюкая, спросил:

– Ой, а кто это тут у нас такой пухленький, такой хорошенький, с целыми пальчиками, с розовыми ушками? И с целыми бубенчиками, надо полагать?

У Пита, да и у половины его «феллов», после прокатившейся десять лет назад эпидемии вируса Нанду и с пальцами, и с ушами, и с прочим все обстояло куда как хуже – у детей болезнь в первую очередь поражала удаленные части тела. Пальцы на руках и на ногах, уши, носы и половые органы покрывались гноящимися зловонными язвами, и чтобы избежать сепсиса, их приходилось ампутировать.

Брем родился уже после того, как эпидемию удалось обуздать, и с детства привык, что ребята на пару-тройку лет старше обглоданы болезнью. Он всегда старался держаться от них подальше – вирус помимо прочего поражал нервную систему, и выжившие на всю жизнь сделались людьми неуравновешенными, вспыльчивыми и злобными.

О банде Желтого Пита ходили самые жуткие и мерзкие

слухи – якобы они мстили тем, кого не затронула изуродовавшая их болезнь, вылавливая малолеток по одному, и отрезали им пальцы, уши, носы, а то и причиндалы. Ну и отбирали деньги, хорошую одежду, а главное – выковыривали чипы у тех, кому посчастливилось попасть под государственную программу информатизации.

Слухи расползались по всему ярусу, и хотя Брем не знал и не встречал ни одного своего ровесника с отрезанным носом или ухом, он, как и его приятели по детскому блоку, верил в них и заранее страшился встречи с Желтым Питом.

И вот эта встреча произошла. Нет, Брему ничего не отрезали – слухи оказались просто вбросом, «информационной вонью», которую сами же «феллы» Пита и распространяли. Но отделали его крепко, отобрали куртку, отличную мембра-куртку с «климатом» и чип-системой, полученную от волонтеров гуманитарной службы «Тереза-мутер».

Ужас, пережитый Бремом в момент встречи с Желтым Питом, дикий, животный страх, доведший его практически до обморока, он запомнил на всю жизнь на каком-то физиологическом уровне. Ужас поселился в нем где-то глубоко внутри, в памяти или даже еще глубже, в каком-нибудь гипоталамусе, и жил там все эти годы, иногда, вот как сейчас, напоминая о себе.

Брем замер, стараясь не шевелиться. Губы сами собой беззвучно прошептали:

– Смерть-зонд...

Он резко вспотел, сердце еще громче застучало в ушах, мочеприемник просигнализировал о получении порции мочи. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Дрожащими руками Брем нащарил пульт скафандра и надавил кнопку экстренной медицинской помощи.

Встроенный медкомплекс сделал все быстро и четко, вколол порцию транквилизатора. Укола Брем не почувствовал, просто пульс успокоился почти мгновенно, зрение прояснилось, исчезла дрожь в конечностях и перестало крутить живот.

Наверное, Брем слишком испугался, и медкомплекс ввел ему двойную дозу «лекарства против страха». Но вместо ужаса появилось ощущение какой-то вселенской несправедливости и усталость. Погибать в двадцать шесть лет на забытой всеми богами Первой террасе спутника Нептуна с нелепым именем Тритон было очень обидно. Брем в этот момент твердо знал – смерть подошла не просто близко, она стоит у него за плечом и ехидно улыбается безгубым ртом сквозь разбитый визор своего белого скафандра.

И отогнать ее уже не получится...

* * *

Смерть-зонды были оружием, запрещенным всеми конвенциями и международными соглашениями. Его антигуманность признали все крупные религиозные конфессии и

даже большинство сект. Его осудили все международные общественные организации. И тем не менее, как это всегда и случалось в истории человечества, смерть-зонды сыграли в ней свою роковую роль.

Такое оружие мог изобрести только «чокнутый профессор» из старинного комикса, а применить в реальных боевых действиях – только дьявол во плоти. Увы, среди десятиллиардного населения Солнечной системы нашлись и первые, и вторые. Впрочем, справедливости ради, Брем ни черта не знал про изобретателей смерть-зонда, это была тайна за семью печатями, которую надежно хранили службы безопасности «Аэрохолла», военной корпорации, объединившей в сороковые годы практически все крупные транснациональные компании, работавшие на ВПК. И где-то там, в недрах нашпигованных самым современным оборудованием лабораторий, в тиши кабинетов и «релакс-румов», родилась идея объединить морскую мину времен Первой мировой войны, термоядерный заряд эпохи войны холодной, технологии «дроп-стеллс», полевые сканеры, электромагнитный кокон, нанотрубки и космос. Так на свет появились смерть-зонды – тупое и невероятно разрушительное оружие, мощность которого в пятнадцать раз превосходила легендарную «Царь-бомбу», созданную в СССР в пятидесятые годы двадцатого века. Восемь с лишним сотен мегатонн адского пламени, упакованного в фотоноотражающий цилиндр, не берушийся ни одним видом радаров, сканеров, сонаров и про-

чих устройств, разработанных человеком.

Информация о смерти-зондах просочилась в сеть вскоре после их секретных испытаний в районе Лагранжа-4 орбиты Юпитера, там, где коротают свой век «ахейцы» Ахиллес, Гектор, Нестор, Агамемнон, Одиссей, Аякс, Диомед, Антилох, Менелай и прочие. Испытания были невероятно успешными – по их итогам астероид-ахеец Диомид едва не раскололся надвое, потеряв четверть своей массы.

Пацификанты на всех континентах Олд Мамми подняли страшный шум, к ним присоединились экоспейсеры, не обошлось, как водится, без политиков, феминисток и защитников прав животных. Ассамблея Солнечной системы покряхтела-покряхтела, да и внесла смерть-зонды в список оружия, полностью запрещенного к применению, хранению и конечно же к производству.

Нетрудно догадаться, что автоматизированные фабрики «Аэрохолла» тут же в обстановке строжайшей секретности начали клепать смерть-зонды в больших количествах – оружейные короли Олд Мамми почуяли запах больших денег, а безноса заточила свою косу в ожидании большой жатвы.

Так оно и вышло.

Когда в острой фазе Первой корпоративной войны «Элементик индастриал» перешел в наступление, громя боевые корабли противоборствующей корпорации «Спейс пацифик Инк», глава «спейсов» Томас Март тайно встретился с главным контрабандистом Земли, известным под позыв-

ным «Старина Фриц». Обстоятельств сделки не сумели вы-
звать даже дотошные пранкеры и информшпионы, в старину
называвшиеся журналистами, но после войны стало извест-
но, что Март заказал у Старины Фрица три тысячи смерть-
зондов и получил как минимум две с половиной.

Основные базы «Спейс пэцифик Инк» располагались в
окрестностях Сатурна, окольцованная планета и ее много-
численные спутники были вотчиной Марта и фактически его
собственностью. Дабы обезопасить себя от атак превосходя-
щих сил флота «Элементик индастриал», по приказу Мар-
та дальние орбиты двенадцати крупнейших спутников бы-
ли густо засеяны смерть-зондами, естественно, с четкой при-
вязкой каждого аппарата к координатной пространственной
сетке. Правда, все это работало до момента боевой активаци-
и смерть-зондов, после которой они становились невиди-
мыми не только для врагов, но и для своих. Обнаружить
смерть-зонд в пространстве можно было только визуально,
на коротком расстоянии, что, учитывая скорости и размеры
объекта, могло спасти только те корабли, что находились в
состоянии маневрирования.

Изготовившийся к атаке на базы «Спейс пэцифик Инк»
флот «Элементик индастриал» благодаря самоотверженным
действиям разведки все же получил уведомление об установ-
ке смерть-зондов. По сути, это означало конец войны и в об-
щем-то патовую ситуацию – вся Сатурнианская провинция
оставалась за Мартом, а значит, со временем «Спейс пэци-

фик Инк» имел возможность восстановить свой потенциал и снова угрожать «Элементик индастриал» и претендовать на лидерство в Солсисе.

Решение об атаке объектов на спутниках Сатурна принял адмирал Чарльз Спенсер Корги, командующий флотом «Элементик индастриал» на «Выселках». Сохранилась его короткая речь, сказанная на капитанском мостике флагмана корпоративной эскадры, орбитального ракетоносца «Мидуэй II»:

– Джентльмены, нас хотят одурачить. Они думают, что какие-то усаые кастрюли с термоядом останоят меня в одном шаге от победы. Приказ по флоту: атака объектов противника согласно предварительному плану. Выполнять!

Эскадры рейдеров, десантных транспортников, ракетоносцев, орбитальных штурмовиков и многочисленные корабли поддержки пришли в движение и устремились к базам «Спейс пацифик Инк» на спутниках Сатурна. Спустя тридцать семь секунд после приказа адмирала Корги глава «спейсов» Томас Март лично приказал активировать смерть-зонды.

Дальше случилось то, что вошло в историю под названием «Сатурнианская катастрофа». Бортовые компьютеры смерть-зондов, просканировав пространство, обнаружили и разобрали цели. Невидимые цилиндры раскинули во все стороны пятнадцатикилометровые гибкие усы антенн-взрывателей и перекрыли пространство на путях вероятного следо-

вания противника.

Ждать пришлось недолго...

«Сатурнианская катастрофа» подробно описана и разобрана во множестве источников. «Элементик индастриал» потерял в ней три четверти боевого флота, включая все крупные корабли. Где-то на подходе к Титану сгорел в плазме термоядерного взрыва и адмирал Корги вместе со всем экипажем флагманского ракетоносца «Мидуэй II».

Взрывы и гравитационные воронки, возникшие в местах срабатывания смерть-зондов, разметали обломки кораблей, уцелевшие единицы флота, трупы и всевозможный космический мусор, некогда бывший самым могучим соединением боевых кораблей в Солсисе, на многие миллионы километров. Среди прочего там оказались и не сработавшие по каким-то причинам смерть-зонды.

Силы притяжения Сатурна, его спутников и других планет растащили все это на огромное расстояние, и даже в поясе Койпера спустя несколько лет то и дело люди сталкивались или с мертвой глыбой орбитального штурмовика, или с крупным обломком искореженного десантного бота, набитого мертвецами в силовой броне, а то и с взведенным смерть-зондом, раскинувшим свои губительный усы.

Главное управление безопасности Солсиса ввело строжайший учет всех выявленных смерть-зондов, районы их дрейфа были объявлены запретными зонами, а за каждый вновь обнаруженный объект полагалось вознагражде-

ние. Правда, стоимость смерть-зонда на черном рынке перекрывала эту сумму в сотни, а то и в тысячи раз, так что в первые годы после окончания войны самые отчаянные скраперы целенаправленно охотились за «черными одуванчиками», как прозвали смерть-зонды за сходство с этим цветком. Другие прозвища смерть-зондов были куда более зловещими – «снежинки дьявола», «колючки смерти», «адские ежики» и так далее...

* * *

Брем посмотрел на гибкие усы, уходящие вверх из ямы и исчезающие в зеленоватых облаках где-то на высоте пары сотен метров, сглотнул, выпрямился и очень осторожно, стараясь не делать резких движений, полез наверх. Транквилизатор действовал, но первая волна эйфории прошла, и теперь Брем соображал четко, ясно и дышал носом. Он двигался медленно, как зверь ленивец.

Много лет назад Брем был в зоопарке на Кони-Айленде и видел это странное, нелепое и страшноватое в своей обреченной замедленности существо. Существо, всю свою жизнь притворяющееся умирающим и сделавшее это своей главной защитой. Теперь вот таким же образом защищаться пришлось Брему.

Умирать очень не хотелось. Брем знал, что смерть-зонд срабатывает, реагируя и на движение, и на прикосновение,

и на гравитационное, и на электромагнитное, и на тепловое излучения, а также, конечно же, на радиацию.

Весь вопрос в том, насколько тонко откалиброваны настройки взрывателей у конкретно этого смерть-зонда и вообще в каком состоянии находятся его электронные мозги. На Тритон смерть-зонд попал неактивированным, значит, он изначально был бракованным и не откликнулся на команду, пришедшую из штаб-квартиры «Спейс пэсифик Инк» полтора десятка лет назад.

После «Сатурнианской катастрофы» гравитационные возмущения зашвырнули темно-серый цилиндр смерть-зонда за пределы орбиты «Пясуна», как именовали Сатурн стэлмены, и через какое-то время он оказался в зоне притяжения Тритона, врезался в него и ушел в рыхлый метановый лед, где мог бы упокоиться навеки, если бы...

Если бы не «счастливая» звезда скрапера по имени Брем.
– Ты же, сука, еще и активировался... – прошептал «счастливчик», выбираясь из ямы.

Впрочем, с калибровкой все разъяснилось само собой, иначе сейчас ни Брема, ни Первой террасы не существовало бы в природе. Видимо, этот смерть-зонд был настроен на крупный объект, например десантный транспортник или орбитальный монитор. На букашку в скафандре он не обратил никакого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.